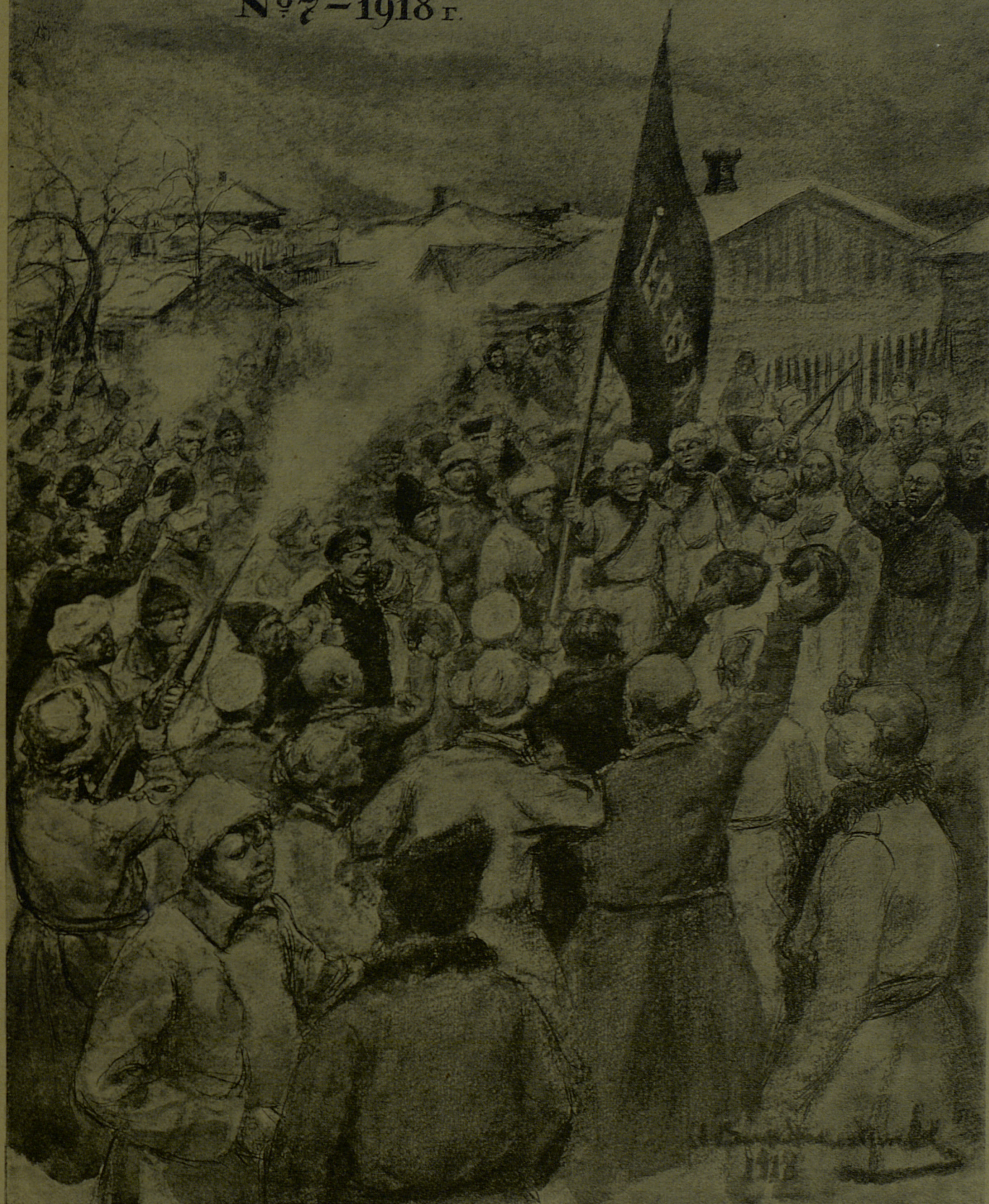

ОГОНЬКЪ

№ 7 — 1918 г.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

Рисунок для «Огонька» худ. И. А. ВЛАДИМИРОВА.

«Алтайский Лучъ» сообщает о провозглашеніи въ бывшей Россійской имперіи еще новой—Алтайской республики изъ населенія русского Алтая, монгольскаго Алтая, халкисовъ, урянтайцевъ, сойотовъ и жителей Джунгаріи, составлявшихъ когда-то вмѣстѣ великій народъ «ойротъ».

Въ с. Улалѣ 7 марта, подъ предсѣдательствомъ В. И. Анучина, открылся съѣздъ, на который съѣхалось много инородцевъ даже изъ самыхъ отдаленнѣйшихъ концовъ Алтая. Многие не понимали по-русски и три переводчика переводили на алтайскій языкъ всѣ рѣчи. Послѣ резолюціи былъ молебенъ, а затѣмъ шествіе со знаменемъ—«Теръ-ву-ханъ-Алтай».

Громогласное «ура», шапки, мелькающія въ воздухѣ, салютные выстрѣлы,—все указывало на большой подъемъ настроенія.

ВЫДАЧА „ОГОНЬКА“ ДЛЯ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖИ: въ типографіи журнала

(Государственная Типографія, Гатчинская, 26, входъ со двора),
въ Невскомъ отдѣленіи конторы „ОГОНЬКА“—Невскій пр., 50,
и во временной конторѣ „ОГОНЬКА“ Галерная, 63, кв. 2, комната 4.

«Какъ и чѣмъ питаться» — вотъ вопросъ, который неотвѣстно стоитъ передъ каждымъ изъ насъ въ тяжелыя минуты полуголоднаго существованія въ большихъ центрахъ. Разобраться въ немъ подл силу только специалистамъ этого дѣла, но обыватель долженъ, по крайней мѣрѣ, имѣть ясное представление о томъ, для какой цѣли служить принимаемая нами пища и что можетъ онъ назвать правильнымъ питаніемъ.

Каждую минуту наше тѣло тратитъ составныя части тѣхъ клѣтокъ, изъ которыхъ, согласно даннымъ современной науки, состоитъ всякое животное и человѣкъ. Принимаемая нами пища служитъ для того, чтобы замѣнить сгорѣвшія или изношенныя части тѣла и такимъ образомъ пополнить расходы нашего организма. Правильное питаніе будетъ достигнуто только тогда, когда приходящая пища будетъ равняться расходамъ тѣла, и при такихъ условіяхъ тѣло человѣка годами останется приблизительно одного и того же вѣса.

Надо, слѣдовательно, прежде всего знать, что тратится нашимъ организмомъ и въ какихъ количествахъ. Ученые установили, что въ нашемъ тѣлѣ сгораютъ, главнымъ образомъ, сахаристыя или крахмалистыя вещества (углеводы), масла и жиры (жировыя вещества) и бѣлковыя вещества. Среди нихъ особенное мѣсто принадлежитъ бѣлкамъ, такъ какъ, именно, изъ этого матеріала построено, главнымъ образомъ, все тѣло. Бѣлокъ при этомъ нельзя замѣнить ничѣмъ инымъ, а потому сгорѣвшій бѣлокъ долженъ быть замѣненъ только веществами однородной категоріи.

При помощи цѣлага ряда приѣмовъ удалось установить, что взрослый человѣкъ, при обычныхъ условіяхъ жизни, тратитъ около 100 гр. бѣлка въ сутки; слѣдовательно, пища должна дать ему за тотъ же періодъ времени такое же количество бѣлка, дабы расходъ равнялся приходу.

И бѣлокъ, и жиръ, и крахмалъ, сгорая внутри нашего организма, образуютъ извѣстное количество тепла и служатъ какъ-бы топливомъ, благодаря которому наше тѣло поддерживаетъ постоянно температуру около 37° С. Если бы эти процессы остановились, то температура бы начала падать и могла бы даже наступить смерть. По счастью, наше тѣло обладаетъ большими запасами указанныхъ выше горючихъ веществъ и если судьба лишаетъ насъ временно пищи, то тѣло жжетъ свое собственное «я» и постепенно худѣетъ. При правильномъ питаніи пища должна дать нашему тѣлу то количество горючаго матеріала, которое нужно для его нагреванія. Если мы опредѣлимъ то тепло, которое образуетъ наше тѣло за сутки, то эта цифра и послужитъ намъ мѣркой для количества пищи. Ученымъ удалось показать, что взрослый человѣкъ средняго вѣса образуетъ 2.400 калорій. (Калорія эта такая-же мѣра тепла, какъ фунтъ есть мѣра вѣса. 2.400 калорій это приблизительно такое количество тепла, которое достаточно, чтобы вскипятить два ведра воды).

Кромѣ того, удалось также узнать, что 1 гр. жира при своемъ сгораніи образуетъ 9,3 калорій, а бѣлокъ или крахмалъ 4,1 калорій. Отсюда слѣдуетъ, что жиръ выгоднѣе

Рисунки худ. М. АНДРЕЕВА.

Очеркъ для «Огонька» Проф. Б. И. СЛОВЦОВА.

для нагреванія тѣла и даетъ почти вдвое больше тепла, чѣмъ равное ему по вѣсу количество сахара или бѣлка. Значитъ, если бы мы съѣли за сутки 260 гр. (5/8 фунта) масла или 600 гр. (1 1/2 фунта) сахара, то этого было бы достаточно, чтобы покрыть расходы по нагреванію тѣла. Въ жизни мы, однако, почти никогда не питаемся ни чистымъ жиромъ, ни сахаромъ, ни чистымъ бѣлкомъ, а потребляемъ пищевыя вещества, продукты растительнаго царства или животнаго, состоящія изъ всѣхъ указанныхъ частей. Поэтому, чтобы узнать питательное значеніе мяса, хлѣба, молока и т. д., нужно опредѣлить ихъ составъ, а по нему рассчитать и то количество тепла, которое онъ придастъ тѣлу, и то количество бѣлка, которое въ указанномъ видѣ попадаетъ въ соки тѣла.

Таблицы подобнаго расчета даютъ приблизительно ту картину, которую художникъ изобразилъ на нижеприведенныхъ графикахъ.

Если взглянуть на эти цифры, то станетъ ясно, что не всякій пищевой продуктъ можетъ удовлетворить сразу обоимъ требованіямъ питанія. Только черный хлѣбъ въ количествѣ 3 1/2 фунтовъ въ сутки дастъ тѣлу достаточное количество топлива и бѣлка. То же отно-

же касается топленого масла, то, сколько бы его ни ѣли, оно не дастъ ни капли бѣлка и потому совсѣмъ не годится для пополненія бѣлковыхъ расходовъ.

Мы, однако, рѣдко питаемся какимъ нибудь отдѣльнымъ пищевымъ продуктомъ. Чаще мы мѣшаемъ ихъ между собой и приготавливаемъ изъ нихъ такъ называемыя кушанья и блюда.

Средній составъ такихъ ходячихъ блюдъ (порція на одного человѣка) приведенъ въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Порція для одного человѣка.	Содержитъ бѣлка въ гр.	Даетъ тепла (калорій).
Супъ съ кореньями и кусочкомъ мяса . .	14,4	260,4
Уха (съ рыбой) . . .	35,0	214,8
Ворщъ съ мясомъ . .	20,0	215,0
Грибная похлебка съ картофелемъ . . .	10,0	441,0
Котлета мясная . . .	26,0	310,0
Гусь съ капустой . .	23,0	619,0
Яичница (2 яйца) . .	11,0	140,0
Студень говяжій (18 золотн.)	2,0	12,0
Картофельныя кот- леты	10,0	369,0
Селедка съ карто- фелемъ	26,0	724,0
Каша гречневая (36 золотн.)	13,0	745,0
Молоко (1 кружка) .	21,0	370,0
Творогъ съ моло- комъ	44,0	839,0
Простокваша . . .	25,0	960,0

Есть, какъ видно, блюда, относительно значенія которыхъ среди публики существуютъ предрассудки.

Количество каждаго изъ приведенныхъ на рисункѣ продуктовъ дастъ намъ 100 гр. бѣлка, необходимыхъ на сутки для поддержанія организма.

сится къ 4—5 бутылкамъ молока. Всѣ остальные продукты удовлетворяютъ либо одному, либо другому требованію.

Напр., чтобы дать организму нужное количество тепла въ видѣ мяса, понадобится съѣсть не менѣе 4 1/2 фунтовъ въ день, что

Напр., бульонъ или супъ съ мясомъ даетъ тепла 260,4, а безъ мяса не болѣе 200 калорій, тогда какъ постная грибная похлебка даетъ 441 калорій, т. е. она почти вдвое питательнѣе. Многие считаютъ, напр., весьма питательной яичницу, а между тѣмъ

См. прод. на 3-ей стр. обложки.

Рукописи, присланные без обозначения условий, оплачиваются по определению редакции. Возвращение рукописей не обязательно. Редакция просит фотографов-любителей и профессиональных присылать отчетливые снимки выдающихся событий. Помещенные в журнал фотографии оплачиваются по принятой редакцией расценке.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ ОГОНЬКЪ

Годъ изданія 11-й.

Цѣна „Огонька“

въ розничной продажѣ:

въ Петроградѣ 65 коп.

въ Петроградѣ 70 коп.

на ст. жел. дор. 75 коп.

Редакція „Огонька“

Петроградъ, Офицерская ул.,
№ 54.

№ 7

Воскресенье, 21 (8) апрѣля 1918 г.

№ 7

Перепечатка литературнаго, художественнаго и фотографическаго матеріала „Огонька“ безъ полнаго указанія источника воспрещается (законъ 20 марта 1911 г.).

Разсказъ С. ГОРОДЕЦКАГО.

Иллюстрировалъ для „Огонька“ худ. И. ВЛАДИМІРОВЪ.

I.

Гимназистомъ я былъ влюбленъ въ дѣвушку, которую звали Марусей. Такъ цѣленъ и ярокъ ея образъ, что даже не могу сейчасъ имени ей дать другого, чѣмъ то, которое она имѣетъ.

Вѣдь бываютъ же такіе черные глаза и такіе алые губы, и такая здоровая душа, что при первомъ приближеніи къ нимъ забываешь всякую меланхолію и всю мучительную романтику, которую переживаешь, когда влюбленъ въ голубые глаза и блѣдныя губы.

А забыть меланхолію и романтику было нужнѣ всего для меня въ ту пору.

Гимназія, руководимая сухимъ педагогомъ, разогнавшимъ всѣхъ живыхъ преподавателей, не одного меня сдѣлала меланхоликомъ.

Влюбленность, мучившая меня съ девяти лѣтъ, — плодъ подаренныхъ мнѣ какимъ-то злодѣемъ неврастеническихъ сказокъ Кота-Мурлыки, прибавила къ гимназической меланхоліи романтическую тоску.

Это случилось на какомъ-то танцевальномъ вечерѣ, которые я посѣщалъ

«...Особенно былъ уродливъ братъ Маруси Витя. Востроносый, съ преувеличенными глазами и маленькимъ лбомъ онъ похожъ былъ на холоднаго птенца...»

для того, чтобы усилить чувство разочарованности.

Маруся была въ бѣломъ платьѣ. Черные волосы ея блестѣли, глаза, обрамленные рѣсницами, какъ у куколъ, смѣялись, алый ротъ ежеминутно показывалъ мелкій жемчугъ частыхъ зубовъ.

Увидѣвъ ее, я почувствовалъ тотъ благодѣтельный толчокъ, который исцѣляетъ организмы, какъ чудо. Казалось, кровь во мнѣ стала горячѣй и побѣжала быстрѣе. Я поспѣшилъ познакомиться и не отходилъ уже отъ Маруси до конца вечера.

Она оказалась обыкновенной болтушкой, способной смѣяться надъ каждымъ пустякомъ. Но красота и здоровье дѣлали это незаурядное качество божественнымъ. Кромѣ того, была въ Марусѣ какая-то породистость, смѣлость и увѣренность.

Мы стали переписываться и встрѣчались довольно часто. Почему-то запомнилась прогулка въ Царское Село. Должно быть потому, что вечеръ былъ звѣздный и лошадь хорошая. Санки мчались по хрустѣвшему звонко снѣгу.

Горьковатый шоколадъ отъ Крафта, казался особенно вкуснымъ на свѣжемъ воздухѣ. Закидывая голову Марусѣ, я былъ увѣренъ, что держу въ рукахъ своихъ все земное счастье, да заодно и небесное, о которомъ пѣли бѣшено блестящія звѣзды.

Не открывая губъ и смѣясь, Маруся говорила:

— Почему это всегда тоже самое: если кататься, такъ и цѣловаться?

— Потому, что вы красавица и змѣя,—отвѣчалъ я, стараясь быть изысканнымъ.

Маруся, неужели правда, что у васъ теперь пятеро дѣтей, отъ какого-то чужого человѣка, ставшаго вамъ роднымъ? А мы, бывшіе тогда, подъ звѣздами, въ дѣтскихъ поцѣлуяхъ, такими близкими другъ другу, стали совершенно чужими? А еще неужели правда, что вы растолстѣли.

Но не надо лирическихъ отступлений,—читатель ждетъ продолженія разсказа.

Я бывалъ у Маруси довольно часто.

Всякій разъ мнѣ казалось, что я попадаю въ какое-то заколдованное царство, когда прихожу къ ней.

Это была мрачная съ большими темноватыми и пустоватыми комнатами квартира. Маруся принадлежала къ огромной семьѣ, прижитой ея отцомъ отъ двухъ женъ: одной—Марусиной матери, умершей, и другой—живой, молодой и рыжей.

Въ комнату къ Марусѣ приходилось итти черезъ дѣтскую. По стѣнамъ стояли въ ней кровати, изъ которыхъ высовывались безпокойныя, черноголовыя, не хотѣвшія спать дѣти. Маруся тщетно успокаивала ихъ, проходя мимо.

Мы подолгу сидѣли въ комнатѣ Маруси. Но, если я хотѣлъ поцѣловать Марусю, она убѣгала въ дальній уголъ комнаты и дѣлала мнѣ укоризненные знаки. Мнѣ становилось скучно, я раскачивалъ лампочку, спускавшуюся съ потолка, и помню, въ концѣ-концовъ, разбилъ ее очень звонко.

Потомъ шли къ ужину. За столъ садилось несмѣтное число людей. Разсматривая братьевъ и сестеръ Маруси, я ни въ комъ не видѣлъ той гармоніи, которая плѣняла въ ней. Она была самой лучшей въ этой семьѣ и всѣ понимали это, слушаясь ее и выдѣляя.

Особенно былъ уродливъ братъ Маруси Витя. Востроносый, съ преувеличенными глазами и маленькимъ лбомъ, онъ похожъ былъ на голоднаго птенца. Голова его была на тоненькой шеѣ, ротъ поминутно раскрывался, уши торчали. Онъ заикался, желая что-нибудь сказать, и лицо его при этомъ мучительно корчилось.

Странно было мнѣ улавливать черты сходства между нимъ и красавицей моею Марусей. Я не разъ ловилъ себя на томъ, что мое вниманіе слишкомъ отдается такимъ сравненіямъ. Очень любо-

пытно было мнѣ наблюдать, какъ сочетаніе однихъ и тѣхъ же элементовъ въ одномъ случаѣ даетъ уродство, въ другомъ красоту.

И насколько Маруся была уравновѣшенна, спокойна и счастлива, настолько братъ ея Витя былъ безпокоенъ, суетливъ, несчастенъ. Наблюдать разницу и сходство душъ ихъ было для меня еще интереснѣй, чѣмъ разсматривать ихъ лица.

Витя учился въ гимназіи и, кажется, плохо.

У Маруси была особенная нѣжность къ нему. Она ласкала его, тормошила, шалила съ нимъ чаще, чѣмъ съ другими, какъ бы стыдясь именно передъ нимъ, что взяла изъ семьи всю красоту.

«...Любимую женщину только что убивалъ... себя тоже, — сказалъ онъ...»

Витя болѣзненно къ ней тянулся, когда бывалъ съ ней, безпокойные глаза его утихали, и на лицѣ появлялась дѣтская улыбка.

— Вы любите Витю больше всѣхъ?—спрашивалъ я.

— Кажется, да, —отвѣчала Маруся, задумываясь, отчего глаза ея еще больше хорошелись.

Витя вырывался и убѣгалъ отъ нея.

— Я думаю,—говорила тогда Маруся—я боюсь, что онъ будетъ несчастенъ.

— А вы?—спрашивалъ я, потому что меня интересовала только она.

— Я-то счастливой буду! — смѣялась она.

— Со мной?

— Хоть съ вами, хоть съ кѣмъ. Мое счастье со мной, во мнѣ. А вотъ Витѣ трудно будетъ. Онъ одинъ не можетъ. Теперь я для него все, а потомъ. Найдеть ли

человѣка, какого надо? Онъ всю душу первому встрѣчному готовъ отдать и сразу всю жизнь свою погубить можетъ...

Она волновалась, щеки ея горѣли.

Я перебиралъ ея тоненькіе и сильныя пальчики, изрѣдка выбирая какой-нибудь и цѣлуя. Я не вслушивался въ ея безпокойство, все болѣе жадно вглядываясь въ ея красоту, любуясь локонами, бровью, голубоватыми бѣлками глазъ и агатовыми зрачками.

Но безсознательно ея тревожныя слова запомнились мнѣ.

II.

Прошло много лѣтъ.

Не такъ ужъ много, чтобы жизнямъ можно было завершиться, но достаточно для того, чтобы опредѣлиться судьбамъ, гдѣ сломиться, гдѣ расцвѣсть.

Марусю я совсѣмъ потерялъ изъ виду. Про Витю зналъ, что онъ студентъ политехникума.

Была какъ разъ пора самоубійствъ—личныхъ, одиночныхъ, двойныхъ, по уговору, съ убійствомъ, съ предсмертными кутежами, съ экзотической обстановкой, съ записками, старавшимися одна другой быть оригинальнѣе. Тяжелая была пора.

Въ тѣ дни я встрѣтилъ дѣвушку, которая шла съ растеряннымъ видомъ, прижимая руки къ молодой груди и шепча:

— Кисленькаго бы мнѣ, кисленькаго.

Я купилъ ей апельсиновъ и узналъ, что она была «травимши». Но ее спасли къ ея, по ея словамъ, горю.

Въ тѣ дни всюду слышно было о смерти,—въ жизни, газетахъ, въ искусствѣ. Въ тѣ дни литература давала сквернѣйшіе образцы свои, слагая и въ стихахъ, и въ прозѣ гимны смерти.

Подъ вечеръ я шелъ по Невскому.

Меня окликнули.

Я оглянулся и увидѣлъ студента политехникума.

Видъ его былъ ужасный.

Я безъ труда узналъ въ немъ

Витю.

Онъ выросъ болѣзненнымъ, невысокаго роста, со впадой грудью юношей. Глаза его еще больше увеличились и провалились. Щеки почти не было. Обтянутый тонкой, грубоватой кожей лобъ выглядывалъ изъ-подъ огромнаго козырька. На вискахъ нервно бились жилы. Носъ заострился, какъ у покойника. Безкровныя губы кривились, обнажая большіе, злые зубы. Страдальческая гримаса ежеминутно пробѣгала по лицу.

Онъ судорожно пожалъ мнѣ руку и мнѣ показалось, что въ горсти у меня мокрыя кости.

Мы шли рядомъ.

Взявъ его подъ руку, я не чувствовалъ въ его тѣлѣ ни вѣса, ни силы.

—Что съ вами, Викторъ?—началъ я разговоръ.

Онъ отвѣтилъ мнѣ той улыбкой, которая называется дьявольской. Въ ней была и хитрость, и цинизмъ, и паденіе и готка.

Потомъ, ужасно заикаясь, сталъ рассказывать. Каждое слово давалось ему съ необыкновеннымъ трудомъ. Онъ былъ до послѣдней степени взволнованъ. Онъ былъ похожъ на человѣка только что съ катастрофы. Взглядъ его блуждалъ, ничего не замѣчая. Онъ былъ въ такомъ душевномъ потрясеніи, которое почти ничѣмъ не отличается отъ сумасшествія.

Должно быть онъ помнилъ о моемъ прежнемъ вниманіи къ нему, потому что пошелъ со мной очень доверчиво, почти радуясь нашей встрѣчѣ. Этимъ, а также мучившей его жаждой высказаться, я объясняю его необыкновенную откровенность. Исповѣдь свою онъ началъ сразу нелѣпой фразой; лицо его при этомъ задергалось и глазныя яблоки вывалились изъ вѣкъ, странно сверкая бѣлками:

— Любимую женщину только что убивалъ... себя тоже, — сказалъ онъ.

Онъ криво улыбнулся, вздорнулъ голову и сжалъ губы, чтобы отдохнуть отъ припадка заиканія.

Признаться, я не придалъ настоящей вѣры его словамъ въ первую минуту. Правда, видъ его былъ ужасенъ. Но я, ирикинувъ, сколько ему могло быть лѣтъ, никакъ не могъ насчитать больше двадцати одного — двухъ. А вспомнивъ его характеръ робкій и застыдливый, никакъ не могъ представить себѣ «любимую женщину» Вити. Самое выраженіе было вульгарно, надуманно, кинематографично.

Но взглянувъ среди этихъ мыслей на Витю, я увидѣлъ, что лицо его искажено страданіемъ. Я быстро и глубоко ему повѣрилъ.

— Она жива? — спросилъ я.

— Не знаю, — выговорилъ онъ съ трудомъ.

— Гдѣ она? У васъ?

— Нѣтъ, въ больницѣ.

— Вы были у нея сегодня?

— Нѣтъ.

— А вчера?

— Нѣтъ, не хочу, — сказалъ онъ зло.

И прибавилъ, какъ бы пророчествуя:

— Она умретъ навѣрно.

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но отъ волненія слишкомъ заикался. Я его не понималъ.

— Вы чѣмъ ее ранили? — спросилъ я.

Онъ какъ-то нехорошо по-смотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Я стрѣлялъ раньше въ нее, потомъ въ себя.

Мы подходили къ концу Невского.

— Зайдемте, — вдругъ сказалъ онъ, таща меня въ подворотню: — зайдемте ко мнѣ.

Я колебался. Мнѣ не хотѣлось видѣть его семьи, да еще при такихъ обстоятельствахъ.

— Я одинъ живу, — сказалъ Витя, замѣтивъ мои колебанія.

— Вамъ отецъ помогаетъ? — спросилъ я.

— Я разорвалъ съ семьей... давно ужъ... изъ-за нея. Зайдемте.

Я пошелъ за нимъ.

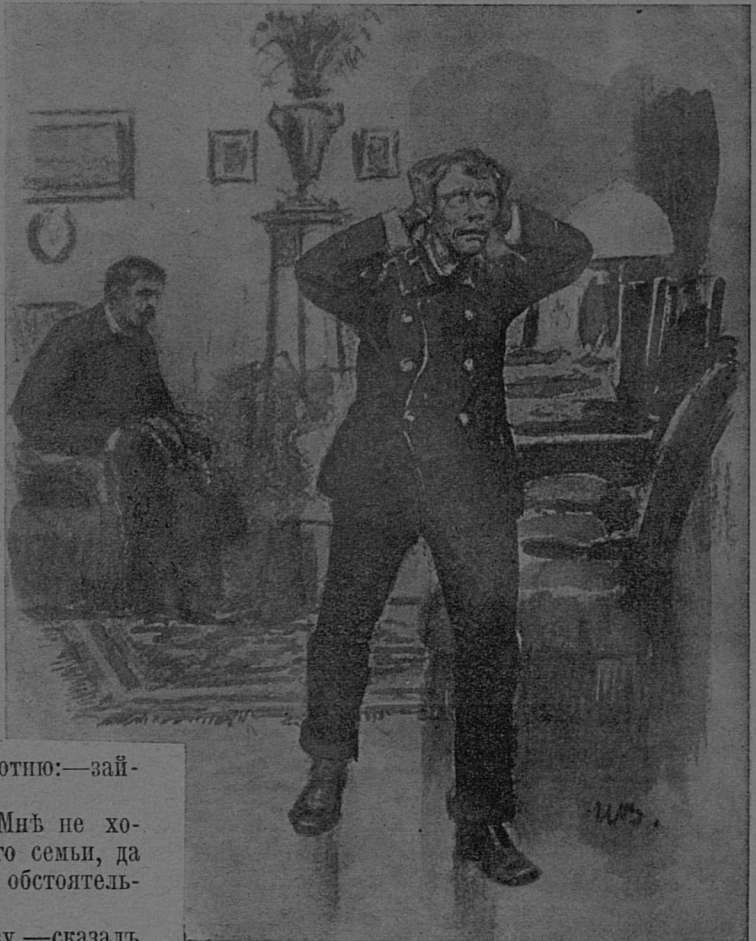
— А чѣмъ же вы зарабатываете?

— Я на биржѣ играю, иногда удачно.

Какъ же я не догадался, — подумалъ я, при-
сматриваясь къ его фигуркѣ, дѣловито пронырливой, нервно озабоченной, типично биржевой, хоть и былъ онъ въ студенческой формѣ.

Мы поднялись по лѣстницѣ и пошли въ

комнаты. Въ спальню я не входилъ. Кабинетъ или гостиная весь былъ загроможденъ дрянными бездѣлушками, какими-то столиками и диванчиками.

«...Онъ схватился за голову и забѣгалъ по комнатѣ...»

На стѣнахъ висѣли этажерочки и картинки изъ Гостиного двора. Витя, казалось, чувствовалъ дурной вкусъ этого убранства.

— Это она все, — сказалъ онъ.

И прибавилъ съ видомъ инженера или банкира, третищаго состояніе на женщинъ:

— Дорого она мнѣ стоила!

— Расскажите мнѣ все, какъ было, — предложилъ я.

Но онъ уже самъ начиналъ фразу, вторую фразу своей исповѣди, измучиваясь отъ заиканія.

— Полтора года мы жили, какъ братъ и сестра, въ одной комнатѣ.

Глаза его злобно засверкали, онъ забѣгалъ по комнатѣ, томимый воспомина-
ніями.

— А раньше? — спросилъ я.

— Раньше она была моей любовницей, женой, чѣмъ хотите.

— Долго?..

— Нѣсколько мѣсяцевъ..

Опять отъ воспоминаній онъ весь задергался, какъ паяцъ на веревочкѣ.

— Вы сядьте, — сказалъ я ему, — вамъ лучше будетъ рассказывать.

«...По полу ползалъ, умолялъ ее, ноги цѣловалъ...»

— Когда это случилось?

— Третьяго дня.

квартиру, обставленную дешевой роскошью. Въ ней принадлежали Витѣ двѣ

Онъ сѣлъ на низенькій диванчикъ, нескладно подобравъ подъ себя ноги. Очень онъ былъ мнѣ жалокъ въ эту минуту.

— Вы помните нашу семью? — началъ онъ. Ну, вотъ. Я очень любилъ ее, никогда бы не ушелъ. Я хорошо кончилъ гимназію, поступилъ въ политехникумъ, хорошо занимался два года. Маруся вышла замужъ, я остался старшимъ. Отецъ старѣлъ, съ матеюю я не ладилъ. Никого у меня не было. Тутъ я встрѣтилъ ее.

Онъ кивнулъ на спальню.

— Скажите, кстати, какая она и какъ ее зовутъ? — перебилъ я его.

Онъ оживился.

— Зовутъ ее Нина Петровна.

А какая она, мнѣ трудно рассказать. Не очень высокая, блондинка, рыжеватая, сѣрые глаза. Для меня она сразу стала лучше всѣхъ. Какъ любилъ я ее, какъ любилъ. Сначала это было безуміе, одно наслажденіе.

Онъ любилъ такъ выражаться пошловато.

Я опять перебилъ его:

— А до васъ она любила кого-нибудь?

Повидимому, этотъ вопросъ былъ ему сильно неприятенъ. Онъ исподлобья посмотрѣлъ на меня:

— Не знаю, — сказалъ онъ.

Но лгать онъ не очень умѣлъ и сейчасъ же поправился:

— Да, любила, я не знаю кого. Въдь это все равно. Я привязался къ ней ужасно. Я все для нея дѣлалъ. Пришлось оставить семью, я оставилъ. Заниматься пересталъ, сталъ играть на биржѣ. Мнѣ она дорого стоила, — повторилъ онъ свою прежнюю фразу, подкрѣпляя ее жестомъ, показывающимъ на обстановку. — Я ей все отдавалъ до послѣдней копейки. Самъ безъ галошъ хожу, въ рваныхъ сапогахъ, а она шляпки выбираетъ.

Его угловатое лицо вдругъ окрасилось выраженіемъ безпомощной и страшно преданной любви.

— Да, автомобиль ей постоянно нанималъ. Самъ пѣшкомъ иду, а ей автомобиль.

— Вы были счастливы? — спросилъ я его тихо.

— Какъ братъ съ сестрой, въ одной комнатѣ, вы понимаете, что это за пытка, — наконецъ, выкрикнулъ онъ. Глаза его горѣли, какъ у сумасшедшаго аскета.

— От чего же? — спросилъ я.

— Она прикинулась больной, я ухаживалъ за ней, какъ сидѣлка, а ее не трогалъ, а она, а она...

Онъ готовъ былъ рыдать.

— Она вамъ измѣняла? — помогъ ему я.

— Вотъ именно, — съ отчаяніемъ и силой крикнуть онъ и закрыть лицо руками.

Мы довольно долго сидѣли молча. Окна

«...Минуты не прошло, какъ онъ меня въ бокъ ударилъ и въ плечо, и въ руку...»

— Какъ вамъ сказать?! Я могъ жить. А безъ нея не могъ. Да, я былъ безумно счастливъ. И это длилось довольно долго, нѣсколько мѣсяцевъ. А потомъ, потомъ...

Онъ схватился за голову и забѣгалъ по комнатѣ. Нѣсколько минутъ онъ не

комнаты выходили на дворъ. Въ ворота доносился гулъ Невскаго, вой автомобилей, звонъ трамвая. Въ комнатѣ было мертвяще тихо: «Отчего здѣсь ничего не прострѣлено? — подумалъ я, оглядывая стѣны и мебель. Или онъ въ спальнѣ стрѣлялъ?»

— Вы здѣсь стрѣляли въ Нину Петровну? — спросилъ я его — въ этой комнатѣ?

— Да, — отвѣтилъ Витя, оглядываясь боязливо.

— Что же было поводомъ? То, что вы узнали объ ея измѣнѣ?

Онъ усмѣхнулся.

— Нѣтъ. Узнать то я узналъ. Отъ этого ничего не измѣнилось. Поймите, что я не могу ее бросить, не могу. Она для меня все, буквально все. Какъ я ее ненавижу, если бы вы знали... Подумайте, я вамъ расскажу...

Онъ задумался и продолжалъ.

— Она служила, къ ней заходили послѣ службы и провожали ее, до воротъ. Какое мнѣ дѣло! Однажды, она привела сюда какого-то офицера. Совсѣмъ еще розовый мальчишка. Упитанный, глаза маленькіе, шаркаетъ и звенитъ. Вошелъ въ переднюю, стоитъ, дожидается. Она въ шляпкѣ вбѣгаетъ ко мнѣ веселая, — «Витя, здравствуй!». Я говорю «здравствуй», а самъ чувствую, что могу убить ее сейчасъ. «Пусть онъ уйдетъ сейчасъ!» — говорю. Она посмотрѣла на меня и, видимо, испугалась. Побѣжала въ переднюю, пошепталась,

«...Сзади раздалось звяканье шпоръ и въ палату вошелъ молоденькій офицеръ...»

могъ выговорить ни одного слова, въ припадкѣ заиканія.

трѣла на меня и, видимо, испугалась. Побѣжала въ переднюю, пошепталась,

вернулась. «Онъ, говорить, ушелъ». «Чтобъ этого никогда больше не было» — говорю я, у самого руки дрожать отъ ненависти... Прошло съ полчаса, ей все не сидится, на часы смотреть. Сумерки были. Вдругъ она подбѣгаетъ и говоритъ: «Я не надолго уйду. Мнѣ надо».

Я схватилъ ее за руку, что было силы, не позволяя. Она сначала засмѣялась, потомъ закричала, потомъ притихла. «Пусти,—говорить, Витя». Я тоже переимѣнился, цѣлую ей руки... Вы не знаете, до какого униженія человекъ въ любви дойти можетъ. Повѣрите-ли, по полу ползалъ, умолялъ ее, ноги цѣловалъ. Она молчала, можетъ быть, ей это даже нравилось сначала, а потомъ надоѣло: «Перестань, говорить, я уйду». Тутъ я себя забылъ, кинулся на нее, не помню, что было. Она кричить: «Спасите, онъ меня убиваетъ». Кровь течетъ, прибѣжала хозяйка, околоточный пріѣхалъ. Насилу уговорилъ его не составлять протокола. Позвали доктора, онъ увезъ ее въ больницу, меня въ участокъ увезли...

— Раненаго?

— Я легко себя поранилъ.

Разсказъ Вити на этомъ оборвался. Мысли его приняли новый оборотъ. Онъ вынулъ изъ кармана два большихъ конверта и умоляюще взялъ меня за руку:

— Поѣзжайте къ ней, я вамъ дамъ адресъ,—сказалъ онъ:—я самъ не могу, я ее ненавижу. Поѣзжайте, передайте письмо и посмотрите, какъ она, что она...

Голосъ его оборвался. Онъ такой былъ безпомощный и несчастный, что я безъ труда согласился. И безъ словъ понять, что ему нужно больше всего на свѣтѣ примиреніе.

III.

Я люблю больницы.

Это, можетъ быть, единственная учрежденія нашихъ жестокихъ дней, гдѣ чувствуется иногда вѣяніе любви другъ къ другу.

Я вошелъ къ Нинѣ Петровнѣ, настроенный нѣсколько сентиментально.

На постели лежала женщина, совсѣмъ еще молодая, закинувъ бѣлую, полную руку за голову, какъ печатаютъ на открыткахъ. Другая рука была забинтована.

У нея было пріятное, московское лицо, съ большими сѣрыми глазами, слегка оттѣненными снизу, какъ мнѣ показалось сначала, болѣзнию,—съ полнокровнымъ ртомъ.

Прелесть этого лица заключалась въ контрастѣ голубовато-черныхъ бровей съ волотисто-рыжеватыми волосами, тщательно причесанными.

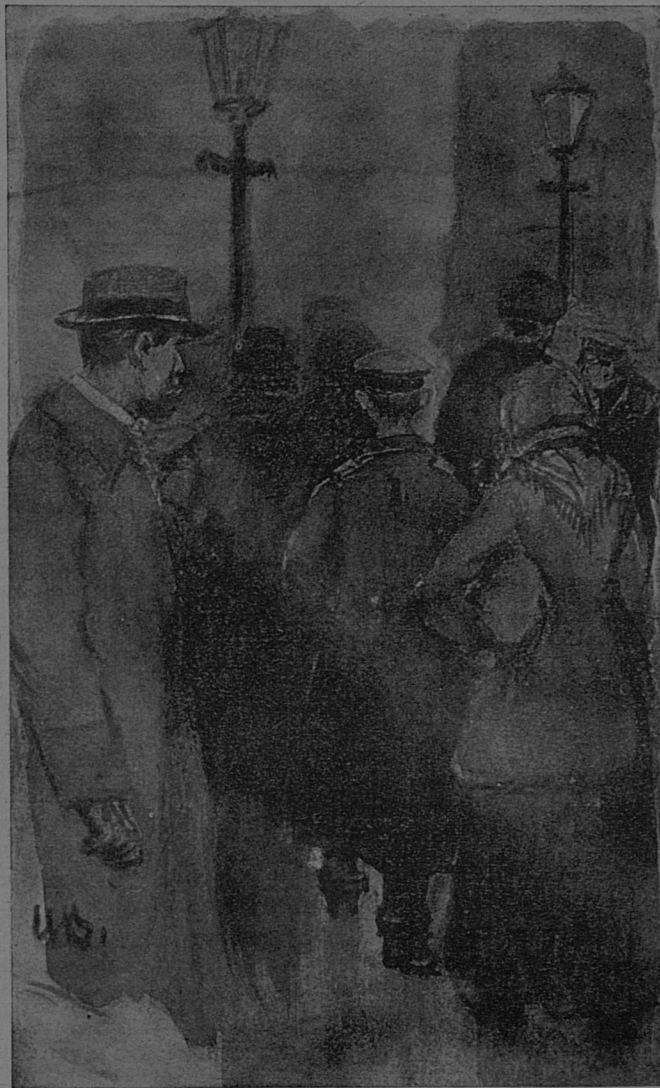
Я подошелъ, представилъ товарищемъ Вити и попросилъ позволенія побесѣдовать.

Нина Петровна гостепріимно улыбнулась и протянула мнѣ ручку съ отполи-

рованными ноготками. Я не помню ея первыхъ фразъ, потому что вслушивался въ ея говоръ, пѣвучій, внятный, смѣющийся.

Нетрудно было разгадать съ перваго взгляда природу этой женщины,—пустоватой, увѣренной въ своихъ чарахъ, любящей жизнь, легкую и веселую, не глупой, покладистой, но умѣющей за себя постоять.

Такія женщины съ одинаковымъ талантомъ могутъ быть и отличными матерями, и ловкими жрицами страсти. Имъ не хватаетъ нѣкоторой глубины,

«...Я долго смотрѣлъ вслѣдъ его фигуркѣ, быстро исчезающей въ толпѣ...»

но зато онъ всегда застрахованъ отъ неврастенія, рефлексивности и тому подобныхъ несносныхъ пороковъ современной души.

Онъ очень нравятся именно неврастеникамъ, инстинктивно ищущимъ въ нихъ спасенія.

Драма Вити сразу стала мнѣ ясной.

Я увидѣлъ и то, какъ онъ ее любитъ, и то, какъ она имъ тяготится, хотя и жалѣетъ, и то, какой невыносимой должна быть ихъ совмѣстная жизнь.

Нина Петровна не безъ удовольствія пережидала минуты молчанія, пока я ее разглядывалъ. Въ ней была привычка показываться и желаніе, чтобы ею любовались.

— Вы давно знаете Витю?—наконецъ, спросила она.

— Да, съ дѣтства,—быстро отвѣтилъ я и прибавилъ нѣсколько словъ въ пользу Вити и его семьи.

Она недовѣрчиво поглядѣла на меня и сказала:

— Я его не такъ давно, какъ вы, знаю, но, кажется, лучше.

Я рѣшилъ быть съ ней прямымъ и откровеннымъ.

— Вы любите Витю?—спросилъ я.

— Какъ вамъ сказать...—дѣлая гримаску губами и разглядывая потолокъ, отвѣтила она,—люблю, какъ брата, какъ товарища... Жалѣю,—нашла она нужное ей слово:—Онъ очень милымъ бываетъ, добрымъ... Но бываетъ несноснымъ. Вы сами понимаете, какъ его можно любить.

Она посмотрѣла на меня и въ глазахъ ея было обѣщаніе многого тому, кого она полюбитъ не такъ, какъ Витю. Въ эту минуту я замѣтилъ, что она года на два, на три старше Вити.

— Нина Петровна,—сказалъ я,—вѣдь вы любили и другихъ, и другого, до Вити?..

Я сдѣлалъ паузу, но она слушала, не возражая, и я продолжалъ:

— Вы знали какова любовь и что вамъ въ ней нужно... Зачѣмъ же вы взяли Витю, почти ребенка, росшаго заперти, совсѣмъ мальчишку? Зачѣмъ?

У нея глаза стали нехорошими:

— Какъ вамъ сказать... Тогда я его любила. И потомъ онъ такъ ухаживалъ, грозилъ застрѣлиться, если я не пойду съ нимъ.

— А теперь у васъ нѣтъ такихъ чувствъ къ нему?

— Нѣтъ.

— Вы къ нему могли бы вернуться?

— Ни за что на свѣтѣ. Онъ мнѣ столько причинилъ зла, онъ меня чуть не убилъ, онъ меня всю изрѣзалъ.

— Какъ?—перебилъ я.

— Ну, да, развѣ вы не знаете?

Она показывала глазами на свою забинтованную руку.

— Но, вѣдь, онъ, кажется, стрѣлялъ въ васъ?

— Стрѣлялъ?

Она сдѣлала презрительное движеніе глазами и засмѣялась:

— Онъ меня рѣзалъ.

Я недоумѣвалъ, потому что Витя говорилъ, что стрѣлялъ въ нее и себя.

— И, знаете, чѣмъ рѣзалъ?—спросила Нина Петровна.

— Чѣмъ?

— Перочиннымъ ножомъ. Не вѣрите? Посмотрите на таблицу.

— Какая гадость,—сказалъ я, поднимая глаза на черную досочку, съ названіемъ болѣзни.

Еще помня латынь, я прочелъ, что Милова Нина, имѣетъ рваныя и коло-

тыя раны на спинѣ, въ предплечья и на рукѣ.

— Онъ вамъ сказалъ, что стрѣлялъ. Вотъ видите, какой онъ.

Она вдругъ почувствовала себя раненой женщиной, вспомнила, что она въ больницѣ, забеспокоилась, стонущимъ голосомъ заговорила:

— Ахъ, какъ это было гадко, какъ ужасно, вы представить не можете... Я все время этимъ брежу, лежу и брежу. Меня тутъ всѣ сосѣдки ненавидятъ.

— Расскажите, какъ это было—перебилъ я ее.

Она сощурила глаза, припоминая.

— Я прихожу домой и говорю, что скоро мнѣ надо уйти. А онъ говоритъ:— не уходи. А я хочу уйти. Сѣла я на кресло. Витя по комнатѣ бѣгаетъ, что-то въ рукѣ зажимаетъ. Смѣшной такой, несчастный. Мнѣ и его жалко и уйти хочется. Вѣдь съ нимъ мученье жить. Нервный, раздражительный, слабый. Я не знаю, всегда ли онъ такой былъ.

— Нѣтъ,—вставилъ я.

— И пусти меня, Витя,—говорю я. А онъ почувствовалъ въ моемъ голосѣ ласку, на полъ какъ бросится. Коверъ сталъ грызть, воевать.—Не надо, этого, Витечка,—говорю я. А онъ еще пуще. Ко мнѣ подползъ на коѣнкахъ, сапожки цѣлуетъ, снизу смотритъ, странный такой. А время идетъ, мнѣ очень нужно идти.—Пусти,—говорю я,—я уйду. Онъ вскочилъ на ноги, опять забѣгалъ, теперь у меня за спиной. Вдругъ, я слышу, что онъ, крадучись, надо мною сталъ. Думаю: обернуться или нѣтъ. Вѣдь, если бы обернулась, ничего бы не было, не посмѣлъ бы онъ тогда. Но не обернулась, сижу, притихла... Минуты не прошло, какъ онъ меня въ бокъ ударилъ, и въ плечо, и въ руку... И чѣмъ бы вы думали. Тупымъ, грязнымъ перочиннымъ ножомъ. Я испугалась, закричала. Онъ повалилъ меня на полъ и все къ шеѣ, къ горлу тянется. Слабенькій, вѣдь, какъ цыпленокъ, а тутъ усиленнѣе. А я отъ досады ослабѣла. И противно мнѣ, что онъ съ перочиннымъ ножомъ на меня пошелъ. Вѣдь зараженіе крови можетъ сдѣлаться...

Она брезгливо повела глазами по своей забинтованной рукѣ и продолжала:

— Вдругъ онъ какъ-то изловчился и руки мнѣ захватилъ. Я стала громче кричать, звать на помощь. Вбѣжала хозяйка, еще кто-то. Витя увидѣлъ чужихъ и оставилъ меня. Опять сталъ бѣгать по комнатѣ. Со мной истерика сдѣлалась. Когда очнулась, уже пришла полиція и докторъ. Мнѣ первую перевязку сдѣлали. Приставъ меня спрашиваетъ, показывая на Витю: вы предъявляете ему обвиненіе или не предъявляете? Если предъявляете, тогда его судить будутъ. Я посмотрѣла на Витю, бѣгаетъ, ни живъ, ни мертвъ по комнатѣ. Жалко мнѣ его опять стало. — Нѣтъ,—говорю,— не предъявляю я обвиненія. Такъ и записали въ протоколъ. Меня добрые люди сюда въ больницу привезли. Здѣсь говорятъ, скоро поправлюсь.

— Куда вы дѣнетесь, когда поправитесь?—спросилъ я.

— Не знаю,—отвѣтила она быстро и весело.

Достала изъ подъ подушки маленькое зеркальце, поглядѣла въ него, прихорашиваясь, и повторила:

— Не знаю.

Я вынулъ изъ кармана два толстыхъ пакета и подаль ей.

— Витя просилъ передать вамъ эти письма.

— Боже мой,—воскликнула она: какія толстыя, и все, навѣрно, чепуху пишетъ. Онъ, вѣдь, во всемъ меня обвиняетъ. Но чѣмъ же я виновата?

Она посмотрѣла на конверты, покачала головой и отложила ихъ.

— Вы даже прочитать не хотите?

— Зачѣмъ? А, впрочемъ, все равно...

Она лѣниво оторвала края конвертовъ и вытащила оттуда листы, исписанные карандашомъ, стала читать съ гримасой и протянула мнѣ:

— Прочитайте сами и отдайте ему назадъ.

— Нѣтъ,—возразилъ я,—назадъ-то я ужъ не понесу ихъ.

— Прочтите,—повторила она.

Я пробѣжалъ глазами письма. Неровнымъ почеркомъ Витя писалъ что-то о любви, упрекалъ и умолялъ... Признаться, мнѣ было неловко читать эти письма... Я положилъ ихъ на столикъ.

— Вы не боитесь, что Витя убьетъ себя, если вы къ нему не вернетесь?—спросилъ я.

— Нѣтъ. Не убьетъ!—быстро воскликнула она, и, какъ бы показывая, что ей надоѣлъ этотъ разговоръ, спросила:

— Знаете, кѣмъ я хочу теперь сдѣлаться?

— Кѣмъ!

— Кинематографической актрисой, какъ Аста Нильсенъ.

— У васъ есть данныя.

— Не правда ли? Мнѣ всѣ это говорили.

Она задвигалась подъ бѣлымъ одѣломъ.

Тѣло у нея было стройное, гармоничное.

Я мучительно ждалъ перваго повода, чтобы уйти, какъ вдругъ сзади раздалось звяканье шпоръ и въ палату вошелъ молоденькій офицеръ.

Онъ былъ розовощекій и мелкоглазый, какъ и описывалъ Витя. Но онъ былъ созданъ изъ того же физическаго и психическаго матеріала, что и Нина Петровна. Это было видно съ перваго взгляда.

Они обрадовались другъ другу, какъ родные.

Онъ поцѣловалъ ей ручку, она улыбнулась ему, напуская себѣ въ глаза темноту и томность.

— Познакомьтесь,—сказала она.

Мы пожали другъ другу руки, неразборчиво, какъ это обыкновенно дѣлаетъ, произнося свои фамиліи.

Послѣ недолгаго, односложнаго разговора о здоровьѣ Нины Петровны, я всталъ и простился. Меня отпустили съ благодарной улыбкой.

IV.

Послѣ этого свиданія я на время потерялъ изъ виду Витю и Нину Петров-

ну. Витю мнѣ не особенно пріятно было видѣть послѣ того, какъ открылась его ненужная ложь.

Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, ему было говорить, что онъ стрѣлялъ въ Нину Петровну и покушался еще на самоубійство, когда онъ напалъ на нее просто съ перочиннымъ ножомъ! Видѣть Нину Петровну мнѣ тоже особенно не хотѣлось, потому что все въ ней было для меня ясно. Я рѣшилъ просто выжидать развязки этой исторіи.

Она наступила довольно скоро. Витя самъ далъ мнѣ о себѣ знать.

Когда онъ говорилъ со мной по телефону, прося свиданія, голосъ у него былъ тревожный и перепуганный. Мы увидѣлись въ тотъ же день и я узналъ, что положеніе его внезапно и рѣзко ухудшилось. Нина Петровна обвиняла его теперь въ покушеніи на ея убійство, и онъ долженъ былъ въ скоромъ времени предстать передъ судомъ.

Состояніе его было ужасное. Какъ оказалось, все это время, пока мы не видѣлись, онъ провелъ въ тщетныхъ, но упорныхъ попыткахъ найти примиреніе. Онъ завязалъ съ Ниной Петровной переписку, умоляя ее уѣхать съ нимъ. Нина Петровна сначала отвѣчала ему довольно ласково, потомъ перешла на официальный тонъ и, наконецъ, совсѣмъ замолчала.

— Вѣдь я же вамъ предсказывалъ это!—сказалъ я, выслушавъ его печальную повѣсть.—Помните, тотчасъ послѣ свиданія моего съ Ниной Петровной я вамъ позвонилъ и посоветовалъ все бросить и немедленно уѣзжать куда нибудь подальше. Отчего вы не послушались меня?

Онъ посмотрѣлъ на меня, какъ на палача, объявляющаго смертный приговоръ, и на лицѣ его появилось то выраженіе безпомощной любви, которое я замѣчалъ уже не разъ.

— Легко сказать, отчего не послушался!—горько воскликнулъ онъ.—Развѣ вы сами не знаете, отчего не послушался?

— Знаю,—отвѣтилъ я.

Витя вдругъ схватился за голову, хотя мы шли по улицѣ, и застоналъ.

— Ахъ, что же я теперь буду дѣлать, что я буду дѣлать?—повторялъ онъ, мотая головой.

— Но вѣдь васъ могутъ еще оправдать—утѣшилъ я.

Онъ злобно взглянулъ на меня.

— Не про то а! Пусть сошлютъ, мнѣ все равно. Не про то я говорю. Что я буду теперь, одинъ, безъ нея дѣлать! Ночью не сплю, ничего не ѣмъ. Хожу по комнатѣ изъ угла въ уголъ. Хожу по улицамъ изъ конца въ конецъ, цѣлый день и цѣлую ночь. Ничего дѣлать не могу, ни о чемъ думать не могу, какъ только о томъ, что я одинъ, что я безъ нея...

Судя по его виду, все это была правда, что онъ говорилъ. Такимъ замореннымъ, такимъ несчастнымъ я его никогда не видѣлъ.

— Витя,—сказалъ я,—вы должны создать себѣ новую жизнь. Вы должны бросить биржу, начать заниматься, а прежде всего поправить здоровье.

Казнь через утопление въ проруби.

Казанское Слово* сообщает объ ужасномъ случаѣ самоубицъ: „Противъ г. Алатыря, на другомъ берегу р. Суры, расположено село Колесо „социализации“ коснулось и его граждане. Отъ воровства и хулиганства не стало мочи. Граждане призвались ить изысканіемъ мѣръ къ устраниню и... придукали. Попались при попыткѣ къ подлону ульевъ трое мужиновъ и трое юношей. Сказали по общаю сходъ. Судили, рязили, думали думу и порѣшили утопить винозниковъ въ Сурѣ въ проруби. Привели связанныхъ „злodeевъ“. Одного внизъ головой, другого, третьяго... Остались отецъ и два сына—16 и 13 лѣтъ. Отецъ просилъ разрѣшить умереть ему

и 2 дѣтямъ по „хресьянски“. Развѣжите, изверги, душегубы, руки! Самъ прыгну въ Сурѣ, проклятые! Потолковалъ сходъ, потолковалъ и разрѣшилъ. Встали кругомъ, на яркомъ, серебрено блестящемъ отъ солнца сѣту, живописной, грымзущей семейки, полуравнодушной толпой старки и дѣти, мужики и бабы. Отецъ снялъ шапку, перекрестился и прыгнулъ въ прорубь. За нимъ—младшій. И только послѣ мучительныхъ колебаній, при грохотѣ уже молчаній затихшей толпы,—старшій сынъ. Постояли, подождали и ушли...

Но самому мнѣ эти слова казались не ильными и не подходящими. А Витя почти не слышал ихъ. Онъ весь былъ поглощенъ внутренней своей болью.

— Она рада, она наслаждается, а я, а я...—вырвалось у него.

Я вспомнилъ розовощекаго офицера, котораго видѣлъ у Нины Петровны, по-смотрѣлъ на замученнаго Витю и почув-ствовалъ неуловимый смѣхъ, носящійся надъ всей этой исторіей.

— Не отчаивайтесь, Витя, право не стоитъ! Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать два.

— Милые годы! Все это пройдетъ легче и скорѣй, чѣмъ корь у дѣтей.

— У меня братишка умеръ отъ кори,—мрачно вспомнилъ Витя.

Но, пови-димому, онъ начиналъ сда-ваться. Такъ мнѣ показа-лось на ми-нуту.

— А какъ же про-цессъ? — спросилъ онъ.

— И про-цессъ прой-детъ.

Онъ задумался.

— Вотъ что, не со-гласитесь ли вы быть сви-дѣтелемъ? — предложилъ онъ мнѣ.

— Охотно, но только что я буду сви-дѣтельство-вать? Вѣдь я зналъ вась ребенкомъ.

— Ну, да. Вы можете рассказать о нашей семьѣ, о томъ, какой я былъ прежде до нея.

— Кто васъ защищаетъ? — пере-билъ я.

Витя назвалъ извѣстнаго юриста, зна-тока казусовъ, но не психолога. Выборъ его показывалъ большую обдуман-ность.

— Знаете, что,—сказалъ я,—вмѣсто того, чтобы мнѣ быть свидѣтелемъ, я лучше буду вторымъ вашимъ защитни-комъ. Мнѣ кажется, это можетъ принести больше пользы вашему дѣлу. Мнѣ ка-жется, я знаю въ этомъ дѣлѣ кое что, чего могутъ не предусмотрѣть юристы и ораторы...

— Да, вы знаете,—радостно отвѣтилъ Витя.

Эта мысль его оживила. Онъ благода-рилъ меня и долго сообщалъ мнѣ по-дробности всѣхъ событій и своихъ пере-живаній.

— Я, кажется, голоденъ,—наконецъ, сказалъ Витя.

— Такъ идите, обѣдайте и потомъ ло-житесь спать. Вамъ надо отдохнуть,—посоветовалъ я.

На этомъ мы разстались. Я долго смо-трѣлъ вслѣдъ его фигуркѣ, быстро исче-завшей въ толпѣ, какъ бы предчувствуя, что никогда больше его не увижу...

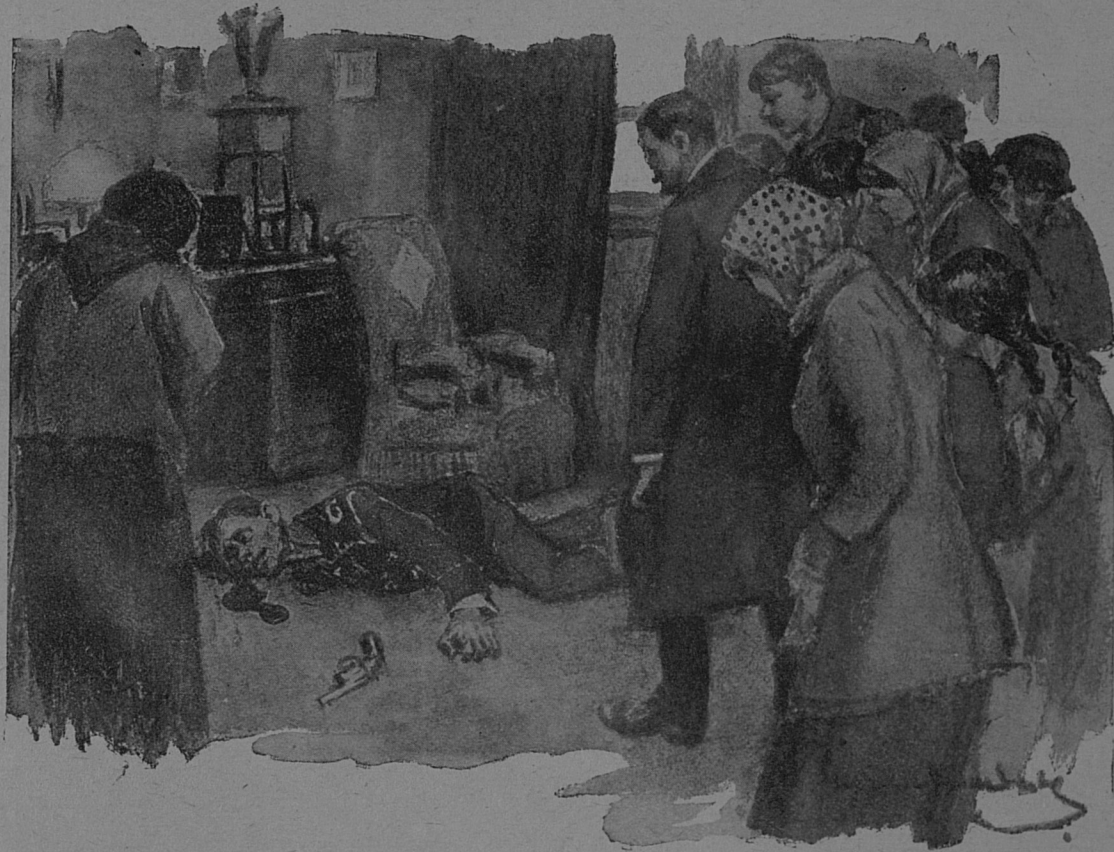
* * *

Меня увлекло предстоящее мое высту-пление на судѣ. Я въ первый разъ бралъ на себя такую роль и нѣкоторое время въ свободные часы представлялъ себѣ, что и какъ я скажу.

Мнѣ хотѣлось изобразить домъ, гдѣ выросъ Витя, темный, мрачный и замкну-тый. Изъ такихъ семей никогда не вы-

чего этого нѣтъ. Онъ инстинктивно тя-нется къ старшей своей сестрѣ. Она красавица, она веселая, въ ней есть все то, чего ему недостаетъ. Она къ нему ласкова, она однимъ словомъ умѣетъ успокоить самые его буйные капризы. Пока эта сестра въ домѣ, его жизнь сравнительно не тяжела. Онъ растетъ, учится и развивается. Его сестра вы-ходитъ замужъ. Онъ остается одинъ. У него теперь нѣтъ никакой опоры. Онъ оставленъ самъ на себя, а въ самомъ то себѣ онъ не видитъ никакой силы. Путемъ тѣнчайшихъ усилій воли онъ кончаетъ гимназію и поступаетъ въ выс-шее учебное заведеніе. Здѣсь трагедія его ранняго дѣтства повторяется въ уве-личенныхъ размѣрахъ. Онъ опять ви-

дитъ себя среди дру-гихъ здоро-выхъ, радост-ныхъ, весе-лыхъ, силь-ныхъ и опять чувствуетъ себя отце-пенцемъ в неисправи-мымъ не-удачникомъ. Товарищей у него нѣтъ, онъ одинъ. При падѣ бездѣйствен-ной тоски смѣняются днями лихо-радочной ра-боты. Но чѣмъ чаще происходятъ эти смѣны, тѣмъ невы-носимѣе ста-новится от-сутствие гар-моніи и ритма въ жизни. Такъ жить нельзя. И

«...Онъ лежалъ съ выраженіемъ тоски и отчаянія въ лицѣ...».

ходить сильные люди. Изъ такихъ семей выходятъ или кулаки, или же изъ нихъ вылетаютъ слабые и безперые птенцы, которые съ растерянными глазами бро-саются на жизнь, не зная ни своихъ желаній, ни ея условій. Такимъ птен-цомъ представлялся мнѣ Витя и я былъ увѣренъ, что у меня хватитъ умѣнія заразить своими образами и другихъ, отъ кого зависѣла судьба Вити.

— Представьте себѣ ребенка, который выросъ, не зная матери,—такъ примѣрно говорилъ бы я.—Ребенка, который ро-дился въ минуту, когда у его родителей былъ душевный распадъ, который потому родился не гармоничнымъ и сильнымъ, а безпомощнымъ и неуравновѣшеннымъ, какъ психически, такъ и физически. Этотъ ребенокъ растетъ одиноко. Обла-дая умомъ, онъ рано замѣчаетъ свою обособленность. У другихъ дѣтей есть внутренняя красота, у него ея нѣтъ. У другихъ дѣтей есть безпечность, без-причинная радость жизни. У него ни-

вотъ молодой его организмъ начинаетъ искать какихъ нибудь путей въ жизни. Естественно, что любовь должна была стать послѣдней надеждой. Но тотъ, кто бо-лѣзненно былъ ребенкомъ въ дѣтствѣ, тотъ останется ребенкомъ на всю жизнь. Что для другихъ просто и легко, то для него невозможно. На вечеринкахъ, на прогулкахъ всѣ такъ просто подходятъ къ дѣвушкамъ, смѣются съ ними, гово-рять, цѣлуютъ имъ руки и губы, а онъ только издали голодными глазами смо-трить, и нѣтъ въ немъ никакой смѣло-сти и увѣренности. И вотъ, однажды, въ счастливѣйшій, какъ ему кажется, день своей жизни, онъ встрѣчаетъ ту, кото-рая сама на него посмотрѣла первымъ взглядомъ, сама къ нему подошла и ска-зала первое слово. Кто бы она ни была, она отнынѣ должна была стать его един-ственной царицей, властительницей всей его одинокой, никому не нужной жизни. Было ли это шуткой съ ея стороны или снисходительностью или игрой, но

Французскій ген. Фошъ,
главнокомандующій англо-француз-
скими войсками.

Тов. С. Гусевъ,
управляющій дѣлами совѣта комисса-
ровъ петроградской коммуны.

Тов. Благодеровъ,
товарищъ комиссара петроградской
коммунъ по внутреннимъ дѣламъ и
начальникъ охраны Петрограда.

Тов. Дзевалтовскій,
главный комиссаръ военно-учебныхъ
заведеній совѣтской республики.

Тов. Каменевъ,
посоль совѣтской республики
въ Берлинѣ.

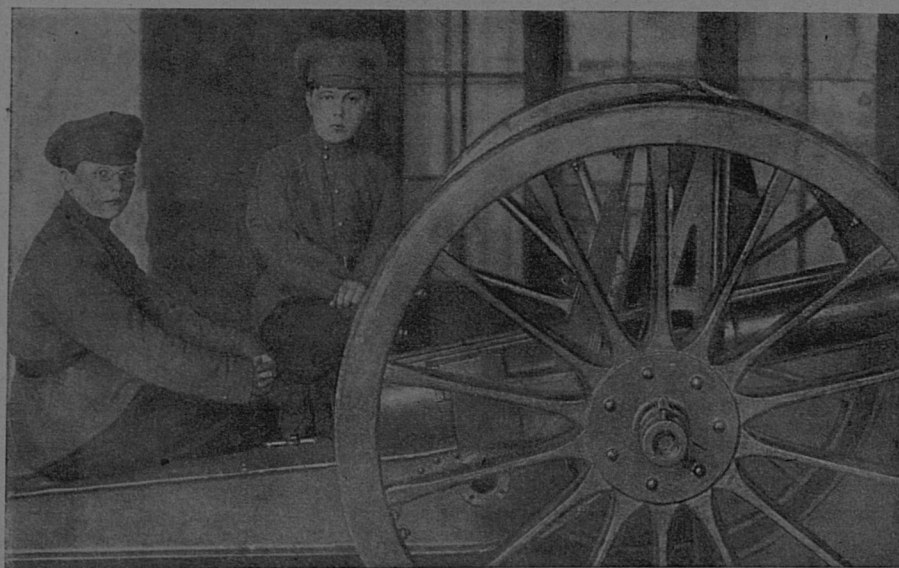
Тов. А. Иоффе,
посоль совѣтской республики въ Вѣнѣ

это рѣшило его судьбу навсегда. Онъ бросаетъ семью, занятія. Онъ кидаетъ всю свою жизнь къ ея ногамъ. Неглубинный, можетъ быть, даже талантливый студентъ, изъ котораго, во всякомъ случаѣ, могъ выйти отличный техникъ, онъ становится биржевымъ зайцемъ, служить на посылакахъ у банкира, забываетъ свое самолюбіе и съ трогательною заботливостью сколачиваетъ деньги, какихъ нибудь три сотни въ мѣсяцъ, необходимыхъ, чтобы его любимой можно было пользоваться всей убогой роскошью современной жизни, комнатой на Невскомъ, таксомоторами, загородными театрами. Нѣсколько мѣсяцевъ длится его мнимое счастье. Попадись ему женщина простая, привязчивая, онъ, можетъ быть, нашелъ бы настоящее свое счастье.

Но женщина, съ которой онъ встрѣтился, была достаточно хороша собой, рѣчиста и самоувѣренна, для того, чтобы мечтать о какой-то высшей судьбѣ. Можетъ быть она его и не любила, а просто пожа-

лѣла въ минуту материнской мягкости. И даже было бы странно съ ея точки зрѣнія губить съ нимъ свою жизнь. Достаточно ей было встрѣтить человека, болѣе веселаго и здороваго, чтобы разлюбить того, кто отдалъ ей свою жизнь цѣликомъ и беззаветно. Съ этого момента кончается мнимое счастье, и начинается дѣйствительная, а не мнимая, драма. Подробности ея уже извѣстны. Смыслъ же ея въ томъ, что мы въ ней видимъ типичный образецъ борьбы за существованіе. Инстинктивное стремленіе къ жизни не могло не говорить въ молодомъ человѣкѣ.

Полную невозможность жизни безъ той, которую онъ любилъ, онъ сознавалъ также вполне ясно. И вотъ началась агонія. Женщина уходитъ, а онъ

Дѣвицы—будущіе артиллерійскіе инструкторы совѣтской красной арміи.
По свѣдѣніямъ совѣтской „Правды“, жалованье инструкторамъ предполагается повысить до 800—900 р. въ мѣсяцъ.

Худ. П. И. Смуровичъ.—«Эрзерумъ (Мавзолей)».

ее не пускаетъ. Вините кого угодно: семью, гимназію, общественныя условія въ томъ, что былъ слабъ, какъ стебелекъ травы, что онъ не могъ разъединиться съ той, съ которой соединился. Но не возлагайте эту вину на него одного. Человѣкъ въ 22 года больше продолжаетъ жизнь своихъ отцовъ, чѣмъ начинаетъ свою собственную. Наконецъ, вините его во всемъ этомъ и еще въ чемъ угодно, но не обвиняйте его въ покушеніи на убійство. Вѣдь, если онъ покушался на что, такъ это—на жизнь. Развѣ такъ нападаютъ желающіе убить? Вѣдь, онъ просилъ, требовалъ, умолялъ, чтобы она осталась, и когда она все-таки рѣшилась уйти, онъ бросился на нее, свою царицу, черезъ минуту послѣ того, какъ цѣловалъ ей ноги. Это типичный бунтъ раба, а рабовъ нельзя наказывать, ихъ надо освобождать и учить быть свободными. Такимъ освобожденіемъ и такимъ урокомъ можетъ быть для подсудимаго только полное его оправданіе...

Такъ я представлялъ себѣ свою рѣчь. Но произнести ее мнѣ не пришлось. За недѣлю или немного больше до суда я узналъ, что Витя застрѣлился. На этотъ разъ въ правду.

Я поѣхалъ къ нему, протискался черезъ толпу любопытныхъ, заполнившихъ его комнаты.

Онъ лежалъ до-нельзя худой и измученный, съ выраженіемъ тоски и отчаянія въ лицѣ и во всей позѣ—какъ выпавшій изъ гнѣзда и разбившійся птенецъ. Я съ молчаливымъ упрекомъ дотронулся до его руки. Какъ все-таки неужень, нехорошъ былъ этотъ выстрѣлъ!

Когда я выходилъ изъ комнаты съ тяжелымъ и глубокимъ чувствомъ, въ нее входила дама въ траурѣ, полная, красивая и заплаканная. Она меня не замѣтила, но я ее тотчасъ узналъ, и, къ

моему горю отъ Витиной смерти прибавилось еще другое, мучительное и слегка пріятное. Живое передо мною пронесся образъ дѣвушки-змѣи, съ агатовыми глазами. Образъ Маруси, которую я любилъ, и горько, какъ отъ смерти, мнѣ было видѣть, что она стала обыкновенной дамой.

Сергѣй Городецкій.

ИЗЪ ПЕРСИДСКИХЪ ТКАНЕЙ...

Урмійское озеро. Шерифъ-Ханъ.

Спокойно озеро. Какъ золотое,—
дно...
А горизонтъ, — полоска свѣтлой
саржи...
И четкій силуэтъ плывущей баржи
Мнѣ виденъ сквозь раскрытое
окно...

Худ. Г. К. Савицкій.—«Мартъ по старому стилю».

Ни зыби, ни волны. Даль озера
свѣтла...
И, не пугаясь любопытныхъ
взоровъ
У берега, внизу, дѣтей айсоровъ
Барахтаются смуглыя тѣла.
Налѣво группа курдовъ на пескѣ.
Одежда ихъ—рядъ пестро-яркихъ
пятенъ...
Для слуха моего такъ странно-
непонятенъ
Ихъ говоръ на гортанномъ
языкѣ...
На пристани движеніе, суета.
Снуютъ «муши», кули съ мукой
таская,
Шумъ, говоръ, крикъ и вся волна
людская
Іюльскимъ знойнымъ солнцемъ
залита...
Причалилъ пароходъ и замутилось
дно...
Нагрузка началась. Слышны
лебедки визги,
И озера взволнованнаго брызги
Доносятся въ открытое окно...
А. Перфильевъ.

НАДЪ УРНОЙ.

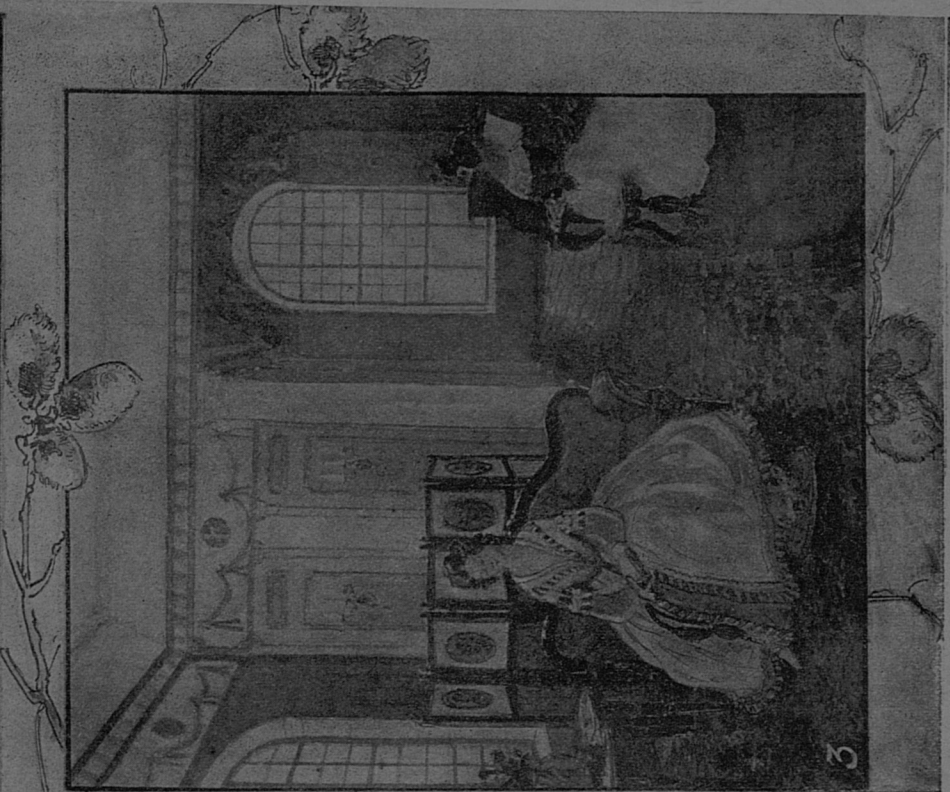
Стансы.

Какая темная весна,
Какія тягостныя слезы...
Уходятъ поздніе морозы,
Но тучъ не таетъ пелена.
Какая темная весна!

Поля, лишеныя зерна,
Не оросили ливнемъ грозы,—
Лишь слезы скорби и угрозы
Вспоили горько до-пьянъ
Поля, лишеныя зерна.

Забыта радостью страна,
Трепещутъ сырыя березы,
Въ слезахъ бесплодныхъ тонуть
лозы,
Земля, какъ урна, слезъ полна.
Забыта радостью страна.

Феликсъ Чудновскій.

ВЕСЕННЯЯ ВЫСТАВКА КАРТИНЪ

1918 г.
въ Петроградѣ.

По фотографіямъ для „Огонька“
Кс. Глыбовской.

- 1) Скульпт. М. Г. Маннбергъ. — «Евгѣнъ Исходъ», гл. 14. (барельефъ).
- 2) Худ. Н. С. Сергѣевъ. — «Морской пляжъ» (темпера).
- 3) Худ. Е. М. Малевская. — «Въ доброе старое время».

Урокъ географіи.

„Будетъ нѣкогда день и погибнетъ великая Троя“...

Это случилось на дняхъ...—сказалъ мнѣ неуклюжій добродушный гимназистъ,—почти вчера... И потому, знаете, такъ трудно говорить здѣсь спокойно...

— Конечно... — усмѣхнулся онъ,—черезъ годъ, черезъ два это не будетъ уже казаться *такимъ* ужаснымъ, а черезъ пять, десять лѣтъ, быть можетъ... быть можетъ, многіе и совсѣмъ привыкнуть, какъ привыкаетъ же, наконецъ, волъ къ яму, левъ къ восьми аршинамъ своей желѣзной клѣтки...

Но мы, кого судьба заставила почувствовать всю боль этой жгучей пощечины первыми, — о, мы никогда—до сѣдыхъ волосъ, вѣроятно—не забудемъ ни этого яркаго солнечнаго дня, ни этого послѣдняго апрѣльскаго урока...

Мѣшковъ... Иванъ Михайловичъ Мѣшковъ давалъ свой послѣдній урокъ...

Кто то, гдѣ то въ послѣднюю минуту распорядился кончить занятія чуть не на двѣ недѣли раньше, и наше растерявшееся начальство не знало теперь, какъ быть и что дѣлать съ незаконченными курсами, съ всполошившимися препода-

вателями, наперебой требовавшими дополнительныхъ часовъ...

И во всей этой кутерьмѣ неожиданно послѣдній урокъ Мѣшкова—при четырехъ добавочныхъ по латыни—былъ едва ли не самой досадной нелѣпостью...

Онъ вошелъ къ намъ быстро, запыхавшись, раздраженный постоянными перестановками и измучившей неразберихой...

— А у насъ—алгебра...—зашумѣли было на заднихъ партахъ, но Мѣшковъ махнулъ только сердито рукою:

— Я—вмѣсто нея...

Началъ, какъ всегда, какъ начинать годъ, пять, десять и двадцать лѣтъ тому назадъ, красиво, ярко, захватывая цѣлкомъ наше вниманіе, заражая своей странной, болѣзненно-громадной любовью къ Россіи...

Мы только что закончили обзоръ Сибири, Кавказа и Туркестана, къ кото-

рымъ Мѣшковъ переходилъ прямо отъ южной Азіи, считая, что такъ гораздо цѣльнѣе и послѣдовательнѣй... Сегодня на очереди была Европейская Россія...

Спокойно и увѣренно подвигалась рука Мѣшкова вдоль сѣверной границы отъ отроговъ Урала къ Бѣлому морю и картины—одна образнѣе другой—вставали предъ нами...

Странная привычка была у Мѣшкова. Любилъ онъ часто повѣдать не только о томъ, что есть на самомъ дѣлѣ, но и о томъ, какъ быть должно было бы...

Оживали необозримыя хвойныя царства, рѣкой лилось золото за сплавленный лѣсъ, за драгоцѣнную пушнину, за несчетную кету, за треску... Вдребезги разбивались ледяныя скалы подъ шумной работой десятковъ сверкаю-

— Не знаемъ родины!.. Не умѣемъ цѣнить!.. Не умѣемъ создавать!.. Не умѣемъ любить!..

Правъ онъ... Мало Мѣшковыхъ... Бѣдна ими Русь...

Еще нѣсколько словъ, — съ сѣверомъ кончено...

— Теперь, господа, перейдемъ къ нашимъ западнымъ границамъ и... прежде всего... прежде всего...

Мѣшковъ стоялъ передъ нами, вдругъ замолчавшій, растерянный...

Глаза странно какъ то блуждали по картѣ, будто увидѣлъ онъ на ней что то такое, чему повѣрить сразу никакъ нельзя было...

Двадцать восемь лѣтъ—изъ года въ годъ—обѣзжалъ онъ такъ же, какъ сегодня, неохватныя границы Россіи...

Сначала — сѣверная, вдоль Ледовитаго океана, затѣмъ—западная, потомъ—южная, потомъ—восточная... Двадцать восемь лѣтъ требовалъ онъ того же отъ учениковъ, то посмѣиваясь въ сѣдую бороду, то не шутку сердясь, если нарушали порядокъ этого, но никогда, за всѣ двадцать восемь лѣтъ, не видалъ, вѣроятно, Мѣшковъ никого болѣе жалкаго, болѣе растеряннаго у этой карты, чѣмъ былъ сейчасъ онъ самъ...

Нѣсколько разъ, а, впрочемъ, быть можетъ, это и по-

казалось... Нѣсколько разъ пытался онъ что то сказать, объяснить что то, но, кромѣ жутко-горькой усмѣшки не срывалось съ сурово-прикушенныхъ губъ ничего...

Только глубокая, хмурая складка легла межъ бровей, да мелькомъ-скользнувшій въ нашу сторону странно-необыкновенный взглядъ бросилъ будто:

— Мальчишки... Поймете ли когда нибудь?..

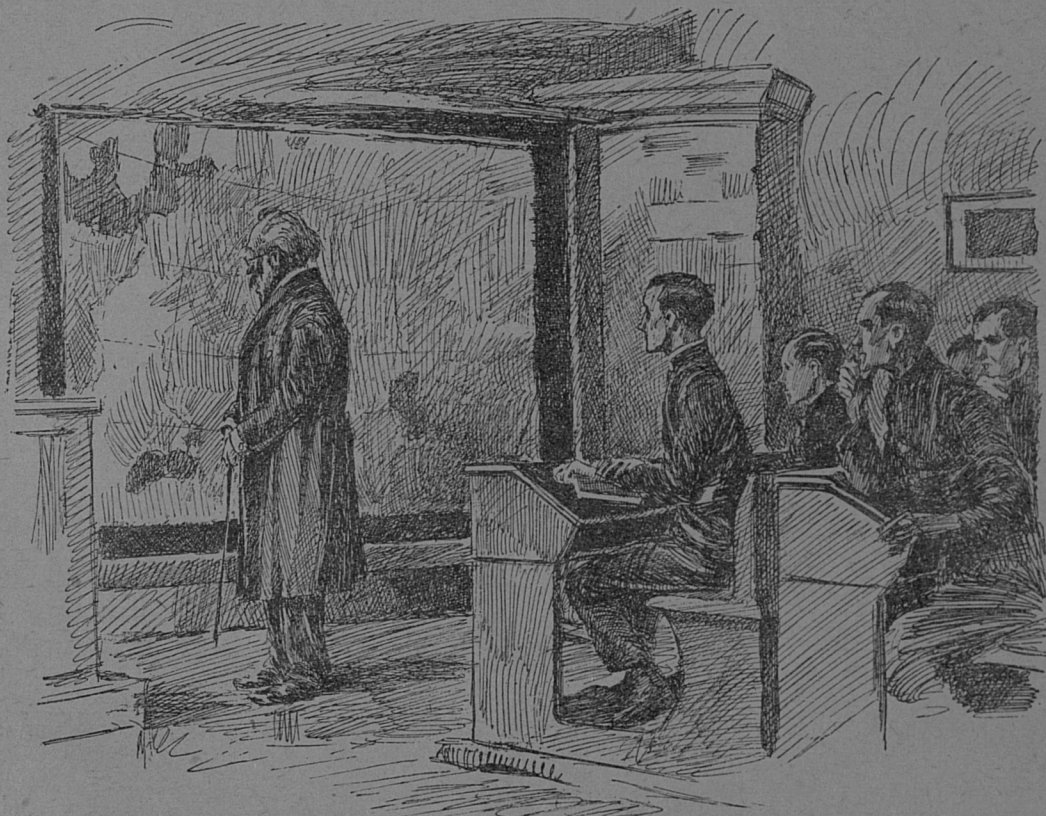
Молча, тяжело ступая, дошелъ до каѳедры, сѣлъ и, не проронивъ ни слова, минутъ пять перелистывалъ медленно и машинально страницы учебника...

Потомъ передъ самымъ уже звонкомъ, точно пересиливъ себя, обронилъ глухо и неожиданно:

— Вотъ... Запомните этотъ урокъ...

Всталъ и, едва кивнувъ сѣдой головою, вышелъ изъ класса...

Алекс. Валентиновъ.

Рисунокъ для «Огонька» худ. Б. АНТОНОВСКАГО.

щихъ на солнцѣ, гигантовъ-ледоколовъ и цѣлые караваны кораблей, тѣша мечту Великаго Петра, двигались безъ конца вдоль береговъ полярнаго океана—отъ края до края земли русской...

Новая, сказочно-чудная жизнь закипала на унылыхъ низовьяхъ Лены да Енисея, Двины да Печоры... Неисчислимыя богатства свои везла Сибирь къ широкимъ устьямъ, переправляя ихъ на спѣшившіе къ западу морскіе колоссы и—для Мѣшкова это было главное!—не платя ни копѣйки чужестранцамъ...

— Никакихъ Гонгъ-Конговъ, Суэцовъ, Гибралтаровъ, — прямо черезъ Берингово — Карское — къ Бѣлому... Десять сутокъ, вмѣсто двухъ мѣсяцевъ... Гривенникъ, вмѣсто рубля...

Наконецъ... Архангельскъ... Ввозъ — вывозъ: скромныя, сѣренькія цифры и рядомъ другія — возможныя, заманчиво-громадныя...

ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

Рис. нокъ для „Огонька“ худ. С. ЖИВОТОВСКАГО.

Финны, сочувствующіе бѣлогвардейцамъ, прорываются ехвонъ красновардейскую заставу.

Финляндія съ нетерпѣніемъ ждетъ окончанія гражданской войны. И если до сихъ поръ были сильны красновардейцы, то это объясняется тѣмъ, что часть населенія находилась подъ вліяніемъ агитаціи русскихъ товарищей. Русская красная гвардія поддерживала прежде своихъ финскихъ товарищей людьми, а оружіе за гроши продавали наши солдаты. Но въ массѣ финны, среди которыхъ большинство принадлежитъ къ зажиточному крестьянству, социалистическому движенію не сочувствовали. Кромѣ того всѣ отлично понимали, что когда придутъ нѣмцы, то красновардейцамъ придется уступить. Когда прошелъ слухъ о всеобщей мобилизаціи, молодежь заволновалась, не желая присоединяться къ красной гвардіи. А съ извѣстіемъ о занятіи нѣмцами Ганге и Таммерфорса многіе финны стали исчезать подъ предлогомъ отъѣзда въ Петроградъ. На самомъ же дѣлѣ финны пробрались на сѣверный фронтъ для присоединенія къ бѣлой гвардіи, что не разъ вызывало кровопролитныя схватки со сторожевыми постами красной гвардіи.

Въ отношеніяхъ советской республики къ Японіи, а также къ нашимъ союзникамъ произошли весьма существенныя измѣненія. Во Владивостокѣ, гдѣ царитъ обычная анархія, послѣ убійства японцевъ и разграбленія японской конторы, адмиралъ Като высадилъ десантъ. За нимъ послѣдовалъ отрядъ англійскій. Командиры заявляютъ, что они не вмѣшиваются во внутреннія дѣла Россіи, но вынуждены охранять безопасность иностранцевъ. Въ связи съ этимъ говорятъ, однако, о возможности оккупации союзниками Владивостока и Сибирской магистрали для огражденія отъ нѣмцевъ военныхъ запасовъ, привезенныхъ изъ Америки и Японіи, для возможной посылки союзныхъ войскъ черезъ Россію, для воспрепятствованія уходу изъ Сибири нѣмцевъ военноплѣнныхъ и для гарантіи, что Россія уплатитъ союзникамъ свои долги. У советской власти настроеніе по отношенію къ Японіи угрожающее. Извѣстія изъ Владивостока идутъ медленнѣе, чѣмъ развертываются событія, и нельзя предугадать положенія вещей ко дню выхода этого номера „Огонька“. Помѣщаемый ниже очеркъ свидѣлствуетъ съ другой стороны, какъ еще недавно у Россіи и Японіи были прекрасныя, вполне дружескія связи.

Русскіе военные заказы въ Японіи.

Недавно вернулась изъ Японіи артиллерійская коммиссія по приему шрапнели, пробывшая тамъ два года и находившаяся подъ предѣтельствомъ ген.-лейт. Н. П. Сомова.

Весь заказъ на 4 милліона 22-хъ секундныхъ неснаряженныхъ шрапнельныхъ трубокъ былъ выполненъ исключительно частными заводами, въ виду болѣе выгодныхъ условій, ими предложенныхъ,—а именно, одна трубка обошлась намъ всего лишь около 4 іенъ. Между тѣмъ, японскіе казенные заводы, изготовлявшіе для насъ прежде трубки, взимали за нихъ много дорожее. Отсюда понятно неудовольствіе, съ которымъ они на первыхъ порахъ отнеслись къ народившейся конкуренціи со стороны частной промышленности.

Указанія русскихъ и понятливость японскихъ техниковъ дали блестящіе

На снимкѣ № 1 показана укладка стеблей въ коробки, куда затѣмъ вкладывается войлокъ, чтобы предохранить части отъ вполнѣ естественной тряски во время далекой дороги изъ Токио

На снимкѣ № 2 изображена укладка нижнихъ и верхнихъ дистанціонныхъ частей, а также гаекъ, бережно закручиваемыхъ въ бумагу передъ тѣмъ, какъ ихъ класть въ соответственные коробки. Обыкновенно на всѣхъ заводахъ подобныя мелкія работы съ успѣхомъ выполнялись женщинами.

Въ тѣхъ случаяхъ, однако, гдѣ требовалось примѣненіе физической силы, вродѣ окончательной укупорки тяжелыхъ трубокъ въ большіе деревянные ящики и т. п.,—тамъ работа поручалась мужчинамъ, какъ видно на снимкѣ № 3. Справа изображены полуголые наальщики, что неудивительно, ибо жара въ Токио порой стоитъ нестерпимая. Впрочемъ рабочіе не ропщутъ и, наоборотъ, слѣдуя своей національной привычкѣ, неизмѣнно улыбаются.

Предупредительность и благодарность японцевъ были безграничны. Стоило только русской коммиссіи передъ отъѣздомъ на родину дать строго официаль-

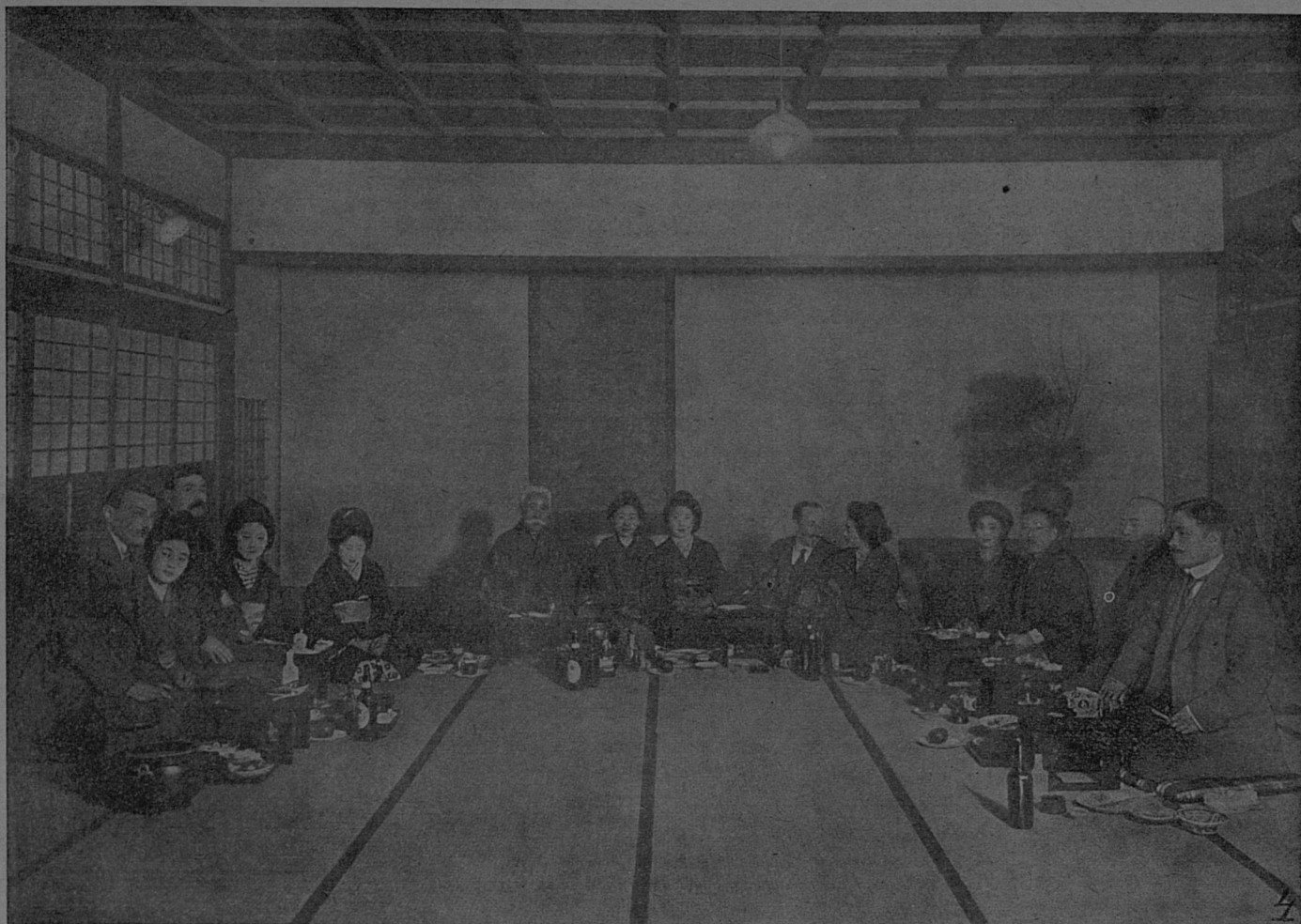
результаты. Заводская работа наладилась какъ нельзя лучше. Отъ желавшихъ поступить на фабрики не было отбоя, несмотря на обычную низкую заработную плату для рабочихъ въ Японіи: 30 сенъ въ день для мужчинъ (около 1 р. 20 к.) и 18 сенъ (80 коп.) для женщинъ. Лучшіе инженеры получаютъ въ Японіи 75 іенъ (75 руб. по паритету на наши деньги) въ мѣсяцъ. Столь низкая оцѣнка труда является, однако, естественнымъ слѣдствіемъ относительной дешевизны жизни въ Японіи и обуславливаетъ, въ свою очередь, возможность дешево выполнять заказы.

На всѣхъ заводахъ бросались въ глаза трудолюбіе, добродушіе и поразительная вѣжливость японцевъ-рабочихъ, несмотря на тяжелыя зачастую условія труда.

Помѣщенные здѣсь первыя три фотографии относятся къ заводу Анзѣнъ-ю въ Токио и даютъ представленіе объ укупоркѣ частей трубокъ послѣ приѣма ихъ русской коммиссіей.

въ Петроградъ или въ Самару на трубочные заводы, куда трубки направлялись для окончательнаго ихъ снаряженія.

ный, прощальный обѣдъ въ честь представителей общественной и заводской дѣятельности въ провинціальномъ городѣ Такаока, какъ и японцы въ свою очередь посѣщали отвѣтить тѣмъ же, но, конечно, на японскій ладъ. Своеобразную картину японскихъ проводовъ даетъ снимокъ № 4.

Обѣдающіе, въ томъ числѣ и городской голова, сидятъ на подушкахъ, поджавъ подъ себя ноги. Передъ каждымъ изъ гостей стоитъ традиціонное угощеніе: вареный рисъ, сырая рыба, похлебка изъ грибовъ и бобовыя пироженія. Вилки и ножи нѣтъ. Ихъ замѣняютъ палочки. Прислуживаютъ гостямъ гейши, подаютъ кушанья, а въ промежуткахъ поютъ національныя пѣсни.

Словомъ, представители официальной Японіи дѣлали все, что могли, чтобы выразить свое уваженіе и расположеніе къ русскимъ. Что же касается рядового обывателя, то онъ, казалось, былъ неподдѣльно расположенъ къ Россіи. Особенно увлекались японцы нашей литературой.

Н. Кузнецовъ.

Японскія какемоно.

(Картинки).

I.

Гейша.

Стихаютъ призрачныя дали —
И море, и закатъ, —
Въ огнѣ пылающихъ азалий
Мерцаетъ темный взглядъ.

Ты такъ легка! Подобно дымкѣ
Въ закатѣ дня скользишь,
Къ окну спустилась невидимкой,
И вновь какъ тѣнь бѣжишь...

Вернись съ луной! Ты снимешь
геты¹⁾,

Потомъ присядь со мной;
Еще веснянки не допѣты,
Ихъ снова перепой!
Слова и ритмъ, увы, невнятенъ,
Какъ отдаленный звонъ,
Но солнца рядомъ яркихъ пятенъ,
Весь смыслъ мнѣ изъясненъ:

— Люби съ расцвѣтомъ вишенъ,
Когда цвѣтетъ жасминъ,
Люби пока ты молодъ, —
Не жди тоски сѣдинъ!..

II.

«Сакэ» (Согрѣтое вино).

Томительный стонъ самисена²⁾,
Цвѣтущія вишни кругомъ,
Всей нѣгою сладкаго плѣна
Полно мое сердце. Мы пьемъ
Изъ лаковыхъ чашекъ согрѣтый
Напитокъ... «Что это — вино?»

«Пей быстро! Не требуй отвѣта —
И душу отоплится оно;
Спроси, если холодъ заложетъ,
И сердце не вспыхнетъ любить,
Тогда я отвѣчу: не можетъ,
Тебя и сакэ исцѣлитъ».

Н. Боголюбовъ.

¹⁾ Геты — обувь.

²⁾ Музыкальный инструментъ.

ХРАБРОСТЬ.

Разсказъ МЭИ КЕНДОЛЬ.

(Съ англійскаго).

Всю свою жизнь Барбара Керью боялась чего-нибудь.

Въ ея темпераментѣ надъ мечтами и надеждами всегда господствовалъ страхъ.

Такъ было въ дни ея ранняго дѣтства и продолжалось всю жизнь. Если ей нужна была такая простая вещь, какъ мыло, такъ и тутъ она не могла обойтись безъ волненій. Ей начинали мерещиться всякія непріятности, сопряженныя съ покупкой этого предмета.

Если къ ней заходилъ кто-нибудь на чашку чаю, даже самый близкій членъ семьи, Барбара волновалась изъ-за каждаго пустяка и успокаивалась только съ уходомъ гостя.

Въ дождливый день ее приводила въ ужасъ необходимость сидѣть дома — не дай Богъ, избалуешь свой организмъ. Но выйти она боялась изъ-за простуды. Въ солнечную погоду она не знала обыкновенно, въ чемъ выйти на улицу. Вдругъ одѣнешь хорошее платье и неожиданно пойдетъ дождь.

И такъ жила она изо дня въ день подъ гнетомъ всякихъ сомнѣній.

Но несмотря на то, что Барбара совершенно не наслаждалась жизнью, она очень боялась смерти, а, значитъ, микробовъ, автомобилей, лошадей и всякихъ болѣзней съ неизбѣжными докторами и тратой денегъ.

Кромѣ обязанности оберегать свою особу, у Барбары были еще обязанности передъ племянниками и племянницами, которые иногда гостили у нея. Барбара

по натурѣ была добрымъ человѣкомъ, но эти прїѣзды родственниковъ были для нея чистымъ мученіемъ. Племянникъ, напримѣръ, былъ ходячимъ рискомъ. Онъ могъ выпачкать грязными сапогами ковры, могъ возвращаться домой поздно ночью, или же, наоборотъ, конфузиль ее своей предупредительностью.

Племянницы, гостя у нея, могли встрѣтить гдѣ-нибудь совсѣмъ неподходящихъ молодыхъ людей. Отвѣчай потомъ за это...

Нѣтъ, лучше не надо родственниковъ! Барбара жила скромно на собственный небольшой капиталъ. Держала она одну прислугу, двадцатипятилѣтнюю Мэгги, которая считала себя старшесорокапятилѣтней миссъ Барбары.

Въ августѣ 1914 года, миссъ Кэрю, какъ и другихъ, поразила вѣсть о войнѣ. Но суть этого извѣстія стала ей ясна только недѣли двѣ спустя, когда Мэгги уронила блюдо за завтракомъ и громко разрыдалась.

— Ничего, Мэгги,—сказала Барбара, взглянувъ на осколки блюда на полу,—оно уже старое...

— Я не о томъ плачу,—всклинула Мэгги,—я... о Джимѣ... Онъ идетъ на войну... Барбара помолчала минутку, вспоминая, кто такой былъ Джимъ. Потомъ сказала ласково:

— Успокойтесь, Мэгги, и расскажите мнѣ все о Джимѣ.

Мэгги сейчасъ же подѣлилась съ хозяйкой всѣмъ, что знала, потомъ, собравъ осколки блюда, ушла въ кухню.

Барбара, оставшись одна, стерла вездѣ пыль и собралась идти къ своему поставщику рыбы. Тутъ, по обыкновенію, ей опять пришлось раздумывать надъ тѣмъ, брать ли ей съ собой зонтикъ или нѣтъ. Возьмешь, можетъ оказаться лишнимъ. Не возьмешь—еще пожалѣешь...

Но тутъ вдругъ Барбарѣ этотъ вопросъ показался совсѣмъ неважнымъ, и, забывъ о зонтикѣ, она стала думать о томъ, пойдутъ ли ея племянники на войну.

Въ этотъ день вечеромъ миссъ Кэрю отпустила Мэгги погулять съ Джимомъ. Спать ей не хотѣлось, но чтеніе и молитва не шли на умъ. Тишина въ квартирѣ тяготила ее и, подойдя къ роялю, она раскрыла тетрадь старыхъ пѣсенъ. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ и у нея былъ человѣкъ, котораго она любила! Онъ училъ ее пѣнію, пока въ семьѣ не стали замѣчать, что отношенія ихъ не похожи на отношенія между учителемъ и ученицей. И Барбара испугалась. Испугалась родныхъ, себя, его. Онъ пересталъ давать ей уроки и женился потомъ на другой. И, при воспоминаніи объ этомъ, Барбара вдругъ совсѣмъ неожиданно расплакалась. Въ первый разъ почувствовала она, что ей очень надвигается. Но солнца она никогда не видѣла. Просто сѣрыя сумерки перейдутъ теперь въ темную ночь безъ единой звѣздочки.

Все же, она знала это, жизнь протягивала и ей по временамъ щедрой рукой свои дары. Но она никогда и шагу не сдѣлала навстрѣчу жизни. И жизнь отдавала свои дары другимъ, болѣе смѣлымъ...

Барбара всегда боялась какого-нибудь самостоятельнаго рѣшенія, самостоятельного выбора.

— Все, все прошло мимо,—шептала она сквозь слезы.

На слѣдующее утро она узнала, что одинъ изъ ея племянниковъ уже записался въ армію.

И тутъ Барбара принялась за работу. Удивительно, откуда у нея взялось столько свободного времени для этого. Раньше она всегда жаловалась, что хозяйство отнимаетъ у нея весь день. Теперь

«...Мэгги уронила блюдо и громко разрыдалась...».

Барбара вѣчно вязала и въ тактъ спицамъ начала работать ея голова, такъ не привыкшая раньше къ этому.

Нѣкоторое время спустя, Барбара узнала, что ея племянникъ, Рексъ, передъ отъѣздомъ на фронтъ, женится. Рексъ былъ ея любимцемъ и Барбара рѣшила сдѣлать ему хороший свадебный подарокъ. Денегъ лишнихъ у Барбары не было, но она сейчасъ же рѣшила подарить Рексу самое цѣнное, что у нея было—жемчужное ожерелье, полученное ею самой по наслѣдству.

Передъ свадьбой Рексъ прїѣхалъ ненадолго къ тетѣ Барбарѣ. Онъ всегда любилъ ее, несмотря на ея воркотню и скучную аккуратность.

«У каждого свои недостатки»,—вполнѣ справедливо думалъ Рексъ.

На этотъ разъ тетя Барбара показала ему какъ-то моложе и проще.

А передъ его отъѣздомъ тетя Барбара со слезами на глазахъ передала ему небольшой пакетъ.

— Это для Нелли,—сказала она,—спрячь только получше, Рексъ. А если вамъ съ Нелли когда-нибудь будетъ тяжело, такъ я ничего не имѣю противъ того, чтобы вы продали это... или заложили бы. Это только мое старое ожерелье.

— Тетя,—воскликнулъ Рексъ,—это ужъ слишкомъ! Ты исключительный человекъ!..

Послѣ отъѣзда Рекса, Мэгги какъ-то сказала миссъ Барбарѣ, что черезъ мѣсяцъ или два къ нимъ ожидаются цепеннины. Всѣ говорятъ, что они обязательно будутъ!

— Что-жъ, Мэгги,—отвѣтила ей спокойно хозяйка,—надѣюсь, что мы не станемъ трусить! Надо же и намъ принять участіе въ этой войнѣ!

Мэгги, въ удивленіи отъ такихъ словъ, только широко открыла глаза. Но Барбара сама-то знала цѣну своимъ словамъ. Конечно, за послѣднее время, многое для нея перестало быть страшнымъ, но цепенлиновъ она боялась безумно. И съ каждымъ днемъ все больше и больше. Но зато и презирала себя! Вѣдь она любитъ Рекса, знаетъ, что ему на войнѣ хуже, чѣмъ ей, и все же за него она меньше боится, чѣмъ за себя. И въ наказаніе себѣ, она перестала въ молитвахъ просить Бога о своемъ спасеніи.

И однажды вечеромъ, когда она мирно читала, вдругъ потухли всѣ огни. Испуганная Мэгги прибѣжала къ ней и такъ какъ погреба въ домѣ не было, то они остались въ столовой, гдѣ огонь камина давалъ хоть слабый свѣтъ.

Когда гдѣ-то вблизи разорвалась первая бомба, Мэгги закричала.

— Ничего, ничего,—успокаивала ее Барбара,—это далеко!

Она была вполнѣ спокойна.

Въ душѣ она молилась, но не о себѣ, а обо всѣхъ сразу, и о Рексѣ, и о Джимѣ, и о своей родинѣ...

Вторая бомба, взорвавшись, потрясла весь домъ и Барбара сдѣлала прыжокъ впередъ, чтобы отбросить въ сторону Мэгги, на которую летѣла глыба штукатурки. И глыба эта ударила Барбару по затылку.

Когда Барбара пришла въ себя, у нея было лицо человѣка, сдѣлавшаго какое-то великое открытіе.

Дѣло было въ томъ, что она чувствовала, что ея часъ насталъ, и не боялась смерти.

— Мэгги,—сказала она слабымъ голосомъ,—скажи Рексу... и Джиму... и сама запомни... вотъ я умираю, но... но это совсѣмъ не страшно.

Потомъ взгляды ея потухъ.

Переводъ А. Д'Анволь.

2 яйца, поджаренный с маслом, дают всего 140 калорий, тогда как мясная котлета 310 калорий, а картофельная — даже 367 калорий.

Иногда бывает самое главное дать побольше белка, в другом же случае как можно больше «топлива». То блюдо или пищевое средство, которое будет полезно первому, не принесет пользы второму.

Таковы в грубых чертах основы современного учения о питании. Как превратить их в жизнь, что найти на рынке, как научиться использовать те продукты, которые еще не исчезли с рынка?

* * *

Особенно важное значение придаем мы белкам. Поэтому мясо, молоко и отчасти хлеб издавна служат лучшими пищевыми средствами. Но когда хлеба получается очень мало, молоко исчезает из обихода, а мясо безумно дорого, приходится искать замещающих его продуктов, особенно для тех, кто нуждается в белках. Тут на первом плане следует поставить рыбу. Громадные рыбные богатства Блага моря и Тихого океана — неисчерпаемый источник питания, но мы не можем их использовать, т. к. не обладаем в достаточной мере холодильниками и консервными заводами. Пока приходится ограничиваться сухой, вяленой и соленой рыбой.

Затем следует сыр и творог. Их питательное значение громадно, а первый из них может, кроме того, хорошо сохраняться. Затем следует отметить использование бобовых растений. Среди них горох, бобы, фасоль и особенные японские сорта бобов-сои чрезвычайно богаты белками и могут служить прекрасной заменой мясу.

Техника последнего времени подарила нам еще одним ценным питательным веществом — высушенными пивными дрожжами, которые получили название *питательных*. Когда это производство разовьется у нас в России, мы получим относительно дешевый, вкусный и очень питательный продукт, который может соперничать с мясом и с бобовыми растениями.

Особенное внимание пришлось уделить хлебу. До войны смолотое зерно раздвигалось на сорта, и потребители ценили особенно мягкие сорта, отбывавшие через самые тонкие сита; то, что оставалось после отбоя, называлось отрубями и почти не шло на питание людей. Между тем, в отрубях содержится очень много белка, и этот ценный материал пропадал без особенной пользы. Со времени войны во всех странах Европы решено было не раздвигать муки на сорта и пускать в продажу только муку из цельного зерна. Этим оказалось возможным увеличить общее количество муки почти на одну пятую. Правда, хлеб получился более грубый, но это, как показала опыт, уже не такой большой недостаток. Для среднего человека новый военный хлеб оказался более питательным, чем прежние высшие сорта булки и пшеничного хлеба и, как это ни странно, но почти все врачи, которым приходится сталкиваться с вопросом питания военного времени, отмечают, что состояние кишечника стало даже лучше.

Но и муки из цельного зерна оказалось мало. Поэтому Австрия, Германия, а потом и другие страны стали прибавлять к основной муке еще другие сорта и подмешивать соломенную муку, мелассу, дрожжи, кровь и, наконец, картофель. Такой картофельный хлеб получил название К. Brod, если количество картофеля не превышало 20%. При большем проценте картофеля получался К. К. Brod, т. е. военный картофельный хлеб. Количество жиров на мировом рынке стало постепенно падать и количество жиров, съеденных в России в минувшем году, равнялось 2/3 цифр предыдущего года. Наше недоимание заставило отыскивать более редкие жиры. Появилось хлопковое масло и кунжутное, начали питаться маслом

какао и т. п. *С научной точки зрения всякое масло и жир больше или менее одинаковы и даже жидкие масла, повидимому, лучше усваиваются организмом.* С точки зрения вкуса, однако, твердые масла, несомненно, ценятся гораздо выше и всякая хозяйка предпочитает пользоваться именно ими. Вот почему техника старается всеми средствами дать населению твердый жир и переводить жидкие жиры в более плотные массы.

Источником жиров следует считать, кроме того, орехи и жмыхи (остатки после отжима масла из маслянистых семян). Орехи, конечно, являются дорогим продуктом, жмых же считался, до известной степени, продуктом отброса и шел на питание животных. Между тем жмых, несомненно, является очень ценным материалом, очень богатым жиром и белками. После основательного перетирания он может идти прямо в пищу под именем «растительных сливок». В измолотом виде он может служить очень питательной примесью к хлебу, кашам и др. продуктам. Вода только в том, что во многих жмыхах содержится ядовитые вещества, а потому, если техника предварительно не обезвредила этого продукта, то он может быть источником заболеваний и отравлений. Напр. жмых хлопчатника очень часто оказывается ядовитым, жмых горчицы — семяна, за

ваться сахаром, уже готовым для придания кушаньям и напиткам сладкого вкуса. Эта естественная, так сказать, сладость пищи является вместе с тем и очень полезным веществом, которое, сгорая в теле, дает известное количество тепла. Следовательно, принимая сахар с пищей, мы не только получаем удовлетворение потребности к сладкому, но кроме того и пользу организму.

Техника предлагает публике искусственные сладкие вещества, как-то сахарин, дульцит и др. Эти химические соединения дают часто интенсивно сладкий вкус, но для организма представляются чужеродными и никакой пользы в смысле тепла не приносят. Поэтому даже в том случае, когда сахарин является безвредным, все таки покупка известного количества сахара и сахарина (при одинаковой цене их по сладости) будет выгоднее при сахар. Это и заставляет врачей и особенно гигиенистов, даже признающих безвредность сахарина, протестовать против введения его в обиход жизни, так как это вызовет массу злоупотреблений и переплату денег за бесполезный для питания продукт.

Гораздо выгоднее было бы поднять производительность сахарных заводов, усилить пчеловодство и постараться развить пчачное дло, так как хороший мед и чистая патока могут конечно оспаривать у сахара все его ценные свойства.

* * *

Количество каждого из приведенных на рисунке продуктов даст телу необходимое количество топлива на сутки.

последнее время, под именем «дуранды», распространявшийся в Петроград, может быть источником отравления. То же относится к некоторым зернам из косточек плодов; напр., ядра персиков, урюка и т. п., которые часто идут на приготовление различных сладостей, могут оказаться ядовитыми, подобно горькому миндалю.

Количество жиров в пище человека может быть гораздо ниже обычной нормы, которую мы обычно определяем в 40—50 гр.

Гораздо чувствительнее для человека уменьшение количества крахмалистых веществ; обыкновенно мы пользуемся для этого хлебом, крупами и картофелем. Крахмал заключен в толстых оболочках растительных клеток и потому не всегда может быть использован. С другой стороны, масса клеточных оболочек придает крахмалистой пище значительный объем, и такая пища кажется нам сытнее, так как гораздо больше распирает стенки желудка.

Чрезмерное уменьшение хлебного пайка или вообще недостаточное количество крахмалистой пищи ощущается нами особенно болезненно, именно, потому, что мы не чувствуем насыщения. Чувство голода остается и после того, как мы съели все, что имеем в руке и иногда, быть может, даже ввели излишнее количество питательных веществ.

Говоря о крахмалистой или, как ее называют ученые, об углеводистой пище, невольно приходится коснуться вопроса о сахаре. Крахмал в нашем теле, под влиянием ряда условий, превращается в сахар, но мы предпочитаем пользо-

Скучный паек Петрограда, Москвы и других крупных центров России, оставшихся без подвоза провизии, можно, конечно, считать ненормальным питанием, а полуголодным существованием или, как шутя называют это германцы, «организованным голоданием». Поэтому выбор продукта должен быть сделан самым осмотрительным образом. Для различных продовольственных комиссий выступает нелегкая задача возможно целесообразно распределить имеющиеся запасы.

Приходится тоже подумать и о том, сколько пищи надо выдать рабочему, солдату, ремесленнику и др. лицам, занимающимся той или иной формой труда, ибо работа требует рознь, и многие совершенно не отдают себе отчета в том, какая работа тяжелее в смысле расходов тепла.

Рабочий тратит составные части своего тела не только для образования тепла, но также и для производимой им работы. Его потери в день больше, следовательно и потребность его в пище тоже больше. Вот почему рабочий нуждается в прибавочном пайке — в «дополнительной карточке».

В особых государственных институтах труда (например в Франции) или в институтах питания (в Америке и Германии) давно произведены работы, которые определили, какой тратит организм соответствует та или иная работа, тот или иной профессиональный труд.

Изображенный на след. страниц график даст представление о количестве сгорявшего в теле вещества (в калориях за сутки) у людей различных профессий.

Кроме рабочих, занятых тяжелой мышечной работой и для которых особенно важно пополнить расход крахмалистых веществ, необходимо усиленное питание и беременной и кормящей женщины: она тоже совершает очень важную для страны работу, вынашивая грядущее и выкармливая молодое поколение. Он должны получать паек за двоих, ибо, в действительности, питая их, мы кормим и ребенка. Для них, однако, как и для детей и больных, особенно полезна белковая и жировая пища: мясо, молоко, крупы и масло.

В усиленном питании нуждается, конечно, и подрастающее поколение. Для ребенка пища служит не только источником тепла и пополнения сгоревших частей тела, но

Въ приведенномъ въ концѣ «бухгалтерскомъ» подсчетѣ нами взята для иллюстраціи одна изъ относительно «продуктивныхъ» нефть довольственнаго пайка завыные продукты были *сти* выданы граждан

Здоровый человек без работы 2400 кал.

Канторщик 2500 кал.

Школьный учитель 2600 кал.

Портной 3000 кал.

Швея 2760 кал.

Писец 2800 кал.

Литограф 2900 кал.

Рабочий механ. завода 3300 кал.

Домовой извозчик 3500 кал.

Башмачник 3600 кал.

Жнец 4000 кал.

Кузнец 4100 кал.

Косарь 4400 кал.

Пильщик 5200 кал.

Пахарь 5000 кал.

Дровосек 6000 кал.

Переносчик кирпича 8900 кал.

Р. Ж. С.

Средний приход за день равнялся 1160,4 калорий. Для достижения той абсолютно минимальной цифры сгоревшего за сутки в организм вещества (не считая даже

Проф. Б. И. Словцовъ.

Въ минувшемъ мѣсяцѣ дѣло питанія ухудшилось еще болѣе, и мы получили по карточкѣ всего 21 гр. бѣлака, 13 гр. жира и 113 гр. углеводвъ. Слѣдовательно, намъ пришлось прикупить немного болѣе указанныхъ продуктовъ.

Все сказанное может служить конечно только самой грубой канвой для всякого, кто захотел бы сознательно отнестись к своему питанию, так как в коротких строчках нельзя охватить всей науки о питании, которая стала

The illustration depicts a traditional Russian accounting method using a ledger and an abacus (suanpan). The ledger is open to two pages: 'Приходъ' (Income) on the left and 'Расходъ' (Expense) on the right. Both pages are organized into columns for months, items, and various units. The entries are handwritten in Russian, detailing transactions for the year 1918. To the right of the ledger is a small wooden box containing a set of算盤 (abacus) beads, used for performing calculations. The background shows a desk with a pen and a small container, suggesting a workspace from the early 20th century.

Приходъ		Счета				Расходъ							
Мѣсяцъ	Число	Наимен.	Единицъ	Вѣдѣн.	Жирѣ	Угари	Дѣлѣ	Копѣ	Вѣдѣн.	Жирѣ	Угари	Дѣлѣ	Копѣ
1918	22	Поступило за...							1918	22	Минимальная...		
	23	Масла	1/2	30	7.5					23	Масла	1/2	30
		Сахар	1/2	30	7.5						Сахар	1/2	30
		Жиры	1/2	30	7.5						Жиры	1/2	30
		Машины	1/2	30	7.5						Машины	1/2	30
		Баланс									Баланс		